

**Управление по делам культуры мэрии г. Череповца
Муниципальное учреждение культуры
«Объединение библиотек»**

*VIII краеведческие
Чечулинские чтения*

**г. Череповец
2010 г.**

Управление по делам культуры мэрии г. Череповца

**Муниципальное учреждение культуры
«Объединение библиотек»**

VIII краеведческие Чечулинские чтения

**Материалы VIII краеведческих Чечулинских чтений
г. Череповец,
14 ноября 2009 год**

**г. Череповец,
Центральная городская библиотека им. В.В. Верещагина
2010 г.**

Тексты докладов воспроизводятся с полным сохранением содержания, орфографии и синтаксиса, предоставленных авторами текстов.

VIII краеведческие Чечулинские чтения: материалы VIII краевед. Чечулинских чтений (г. Череповец, 14 ноября 2009 г.) — Череповец: ЦГБ им. В.В. Верещагина, 2010. — 95 с.: ил.

Н.Д. Чечулин
(03(15).11.1863 – 14.02.1927)

«История не дает отдыха своим труженикам: кто раз отведал этого горького и крепкого напитка, тот не перестанет пить его до смерти!», – прочёл я ещё студентом в одном сочинении Мишле; с тех пор эти слова всегда были моим девизом и останутся им до конца моих дней».

*Н.Д. Чечулин
«Ответ на «Заметку» проф. Кареева»
Санкт-Петербург, Типография
В.С. Балашева и К°, Фонтанка, 95.1897 г.*

Д.Е. Фирсов,
канд. философских наук,
доцент кафедры истории и философии
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Ярославская государственная медицинская академия Росздрава»

Литературное наследие античного интеллектуала в России. К 100-летию издания сочинений Лукиана в переводе Н.Д. Чечулина

Признанный специалист по русской истории и библиограф, Николай Дмитриевич Чечулин (1863-1927) известен и как переводчик с новоевропейских и классических языков. Его обращение к творческому наследию античных авторов, в частности к сочинениям Лукиана из Самосаты, кроме литературного аспекта, отражает актуальное содержание лукиановской прозы для российского общества рубежа XIX-XX столетий.

Литературное творчество Лукиана (II в. н.э.), популярное в античности, было вновь востребовано в эпоху европейского Возрождения [1]. Интерес к лукиановским сочинениям со стороны ренессансных интеллектуалов, в том числе Эразма из Роттердама и Ульриха фон Гуттена, объясняется особой ролью Лукиана в формировании концепции европейского интеллектуализма. В творчестве Лукиана прослеживается процесс поиска путей преодоления ретроспективной античной духовной традиции, экспликации модели интеллектуальной культуры нового типа, способной стать альтернативой дискредитированному историей мифу и мифологизму.

Первые переводы сочинений Лукиана на русский язык появляются в России в середине XVIII в. В «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова, вышедшем в 1748 г., помещен один из лукиановских диалогов цикла «Разговоры в царстве мёртвых» (Mort. Dial. XII), и фрагмент диалога «Корабль, или Пожелания» (Navig. 5-6) [2]. В 1773 г. вышло однотомное, а в 1775-1784 гг. трёхтомное издание лукиановских диалогических сочинений [3]. Кроме того, на протяжении XVIII столетия переводы Лукиана публиковались в российских периодических журнальных изданиях [4].

Относительный спад интереса к «вольнодумному» творчеству Лукиана в российском читающем обществе конца XVIII в. можно рассматривать как следствие общественной реакции на социальную нестабильность 1773-1775 гг. и начало Французской революции 1789-1794 гг. [5] Но этот хронологический «пробел» в истории изданий Лукиана в России «компенсировался» целым рядом публикаций переводов его сочинений в XIX - начале XX вв.

К числу этих изданий относятся и «Избранные сочинения» Лукиана в переводе Николая Дмитриевича Чечулина [6].

Выбор Н.Д. Чечулиным в качестве материала для перевода диалогов Лукиана объясним, с одной стороны, художественными достоинствами оригинала. Характерный литературный язык Лукиана сформировался в процессе длительного поиска аутентичного авторского стиля. Лукиан прошёл школу традиционного для II в. риторического образования. Опираясь на канонические образцы классической, преимущественно греческой прозы и поэзии, античный ритор усваивал практику использования унифицированных форм, необходимых для профессиональной деятельности – адвокатской практики или публичных выступлений с

литературными декламациями. Оставаясь в номенклатурных рамках тем для жанровых импровизаций, начинающий ритор постепенно выработывал индивидуальную манеру. Эту стадию подражательного ученичества прошёл и Лукиан. Его «Похвала мухе» (*Musc. Enc.*) представляет собой характерный пример распространённого приёма составления «похвального слова» - «энкомиума», обращённого к достоинствам «обыденного» предмета. Впоследствии, талант Лукиана позволил ему выйти за пределы риторических стандартов и выработать стилистически насыщенный и образный авторский язык.

Ещё одним аргументом в вопросе выбора для перевода сочинений Лукиана является широкий диапазон тем его работ. Лукиан - не поверхностный эрудит. Его произведения свидетельствуют о компетентном владении автором знаниями в различных областях. Лукиан ориентируется не только в «программном», предусмотренном риторическим обучением объёме сведений об истории и мифологии. В его работах, посвящённых анализу причин девальвации этических оснований мифологического мировидения, проявляется самостоятельный систематический подход к выявлению исторических и психологических предпосылок эволюции античного мифологизма. «Этнокультурный компонент» происхождения Лукиана - выходца из среды бедного ремесленного населения окраины провинциальной Сирии, давал ему понимание специфики культурных традиций Востока («О сирийской богине» (*De Dea Syr.*)). Лукиан проявлял интерес и к формирующимся религиозным учениям. В произведениях «О смерти Перегринна» (*Mort. Per.*) и «Друг отечества, или Поучение» (*Philop.*)), затрагивающих вопросы христианской догматики, Лукиан демонстрирует знакомство с апологетической тенденцией христианства, эсхатологическими идеями, приёмами библейской гомилетики. Отношение Лукиана к христианству вполне толерантно, особенно на фоне вульгарной и агрессивной критики, продемонстрированной, в частности, его современником Апулеем.

Эстетическая рефлексия Лукиана касалась не только литературы, но и других видов искусства. Трактат «О пляске» (*De Salt.*) сохранял своё теоретическое значение и в XX в. [7]. Архитектура привлекала Лукиана своей поэтичностью («Гипий, или Бани» (*Hipp.*)). Оперировал он и естественнонаучными сведениями. Сочинение «Об астрологии» (*De Astr.*) содержит элементы рационалистической интерпретации донаучных космологических знаний.

Появление новых переводов Лукиана на русский язык в начале XX в. объяснимо не только с позиции эстетических предпочтений [8]. Следует учитывать и соответствие интенций лукиановского творчества общественным настроениям в России рубежа XIX-XX столетий. Стагнация оснований имперской идеологии и имперского сознания, катализируемая Русско-японской войной и революционными выступлениями 1905 г., а также их экономическими и политическими последствиями, обостряла потребность в ревизии духовного опыта, общественной идеологии. Аналогичную задачу переосмысления ценностных установок, применительно к социокультурным условиям утратившей потенциал развития Римской империи, решал и Лукиан. Такое исторически актуальное прочтение лукиановских произведений предполагало в XX в. изложения его сочинений языком, отличным от традиций XVIII - начала XIX вв.

Соответствует задаче адаптации творчества античного интеллектуала и выбор Чечулиным для переводов конкретных лукиановских произведений. Взятые им диалогические сочинения - «Разговоры богов» (*Deor. Dial.*), «Разговоры мёртвых» (*Mort. Dial.*), «Харон, или Наблюдатели» (*Char.*), «Народное собрание богов» (*Conc. Deor.*), «Зевс в трагическом положении» (*Jup. Trag.*) относятся к группе содержательно связанных работ, написанных, предположительно, в 150-х - начале 160-х гг.. В сочинениях этого периода на первый план выходит проблема

девальвации мифологических ценностей, установок мифологизированного сознания, распада целостной мифологической картины мира. Особое значение в развитии этой темы Лукианом имеют «Разговоры богов» и «Разговоры мёртвых», являющиеся элементами окарикатуренной картины мифологической космологии, включающей также «Морские разговоры» (Dial. Marin.) и «Диалоги гетер» (Dial. Meret.) [9].

Ставя перед собой задачу переосмысления содержания мифа и мифологизированного опыта, Лукиан решает вопросы самоопределения новой генерации интеллектуалов, преодолевших инерцию традиционализма и ориентированных на формирование новой, альтернативной античному сознанию духовной культуры. Творчество Лукиана заложило основания европейской «литературной культуры», выразившей потребность интеллектуалов в самоидентификации в условиях «смещения» социальных и культурных паттернов эпохи. Представители европейского интеллектуализма во всех его «жанрах» манифестируют стремление к аутентичности - к тому, чтобы «увидеть альтернативы тем целям и смыслам жизни, которые большинство людей принимает без критики, как единственно данные... до некоторой степени, самостоятельно создав самого себя» [10]. Эта потребность соответствовала и духовным запросам российской интеллектуальной среды начала XX века.

Творчество Лукиана оказывало влияние на литературную и, в целом, эстетическую традицию европейской культуры, начиная с Ренессанса и до нашего времени [11]. Значение его для российской читательской аудитории определялось не только интенсивностью переводов лукиановских сочинений, но и их исторической актуальностью. Издание прозы Лукиана в переводе Н.Д. Чечулина имело современный общественный резонанс, свидетельствующий об исторической востребованности литературного наследия античного интеллектуала в России [12]. Появление этой книги, «отмечающей» свой 100-летний «юбилей», можно считать и одной из «вех», указывающих на динамику и направленность общественной жизни российского общества начала XX столетия. Таким образом, обращаясь к творчеству Лукиана, Николай Дмитриевич Чечулин решает не только эстетическую и историко-литературную, но и в широком значении просветительскую задачу.

Литература:

1. См.: Continentur // Λουκιδος. Luciani Samosatensis Opera. T. 1. Lipsiae: In libraria Weidmannia, 1822. P. CLXXVI-CLXXX. Первое латинское издание Лукиана - 1470-72 гг. (Rom.), греческое - 1496 (Florent.).
2. «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится Риторика, показывающая общие правила обою красноречия, то есть, оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесная наука. Труды Михайла Ломоносова». § 283: «Разговор Лукианов между Александром Великим и Ганнибалом, где говорят Сципион, генерал римский, и Миной, которого эллинские идолослужители почитали адским судьёю»; § 293: «Описание великого корабля египетского, из Лукиана». См.: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. СПб.: Изд-во АН, 1794. С. 421-424, 431; Также: Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию... // Антология русской риторики. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1997. С. 195-197, 200-201.
3. Разговоры между мёртвыми, выбранные из Лукиана Самосатского и с латинского языка переведённые. [М]: Печ. при Имп. Московском университете, 1773; Разговоры Лукиана Самосатского: В 3 т. СПб.: при Императорской Академии наук, 1775-1784.
4. Апт С.К. Лукиан (Краткий очерк творчества) // Учёные записки Орехово-Зуевского педагогического института / Под. ред. И.Т. Трофимова. М.: Издание Орехово-Зуевского педагогического института, 1955. Т. 2. Вып. 1. С. 214; Лукиан, в изложении Лукаса Коллинза. СПб, 1876. С. 13; Неустроев А.Н. Указатель к русским современным

- изданиям и сборникам за 1703-1802 гг. и к историческому розысканию о них. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского. 1898. С. 353-354; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800: В 5 т. Т. 4. М.: Книга, 196. С. 130-131. 136-137. 164. 197; Сводный каталог сериальных изданий России (1801-1825). СПб.: Из-во Российской национальной библиотеки. 1997. Т. 1. С. 40; Т. 2. С. 117.
5. Каждан А.П. Лукиан // Избранные атеистические произведения. М., 1955. С. 30.
 6. Лукиан. Избранные сочинения. СПб., 1909.
 7. См.: Лукиан. О пляске // Ежегодник академических театров. 1913; Лукиан. О пляске // Ежегодник Петроградских Государственных театров. 1918-1919.
 8. Появлению «Избранных сочинений» в переводе Н.Д. Чечулина предшествовало частично совпадающее с ними по содержанию издание «Лукиан. Избранные сочинения». Пер. А.И. Манн. СПб.: Изд-во Нового журнала литературы, искусства и науки, 1906.
 9. См.: Фирсов Д.Е. Философский дискурс литературно-художественного творчества Лукиана из Самосаты: Диссертация на соискание учёной степени канд. филос. наук / Ярославский гос. педагогич. ун-т. им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2005. С. 79-95.
 10. Рорти Р. От религии через философию к литературе // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 31.
 11. Богаевский Б. Лукиан. Его жизнь и произведения // Лукиан. Биография. Религия. М., 1915. С. LXIII; Зайцев А.И. Лукиан из Самосаты – древнегреческий интеллигент эпохи упадка // Лукиан Самосатский. Сочинения. Т. 1. СПб., 2001. С.6, 12; Коротнян А.В. Век Апулея и Лукиана // Апулей. Золотой осёл. Лукиан. Диалоги. СПб., 1992. С. 320; Лукиан, в изложении Лукаса Коллинза. СПб., 1876. С. 187; Нахов И.М. Лукиан из Самосаты // Лукиан из Самосаты. Избранная проза. М., 1991. С. 8, 14; Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 438; Федь Н. М. Искусство комедии или мир сквозь смех. М., 1978. С. 22; Эллинистическо-римская культура. СПб., 1914. С. 711.
 12. Степанов С.Л. Лукиан. Избранные сочинения. Пер. с греч. Н.Д. Чечулин. СПб., 1909 // ЖМНП. 1909. Декабрь. С. 482-485.

Э.П. Риммер,
заслуженный работник культуры
главный специалист
Череповецкого музейного объединения

«Я помню Череповец с детства» Или: Путь в Мекку оперного искусства

Известный кинорежиссер Станислав Говорухин, постановщик не менее известных сериалов, таких как «Дети капитана Гранта», «Место встречи изменить нельзя» и т.д. и т.д. как-то сказал, что во время его юности самой популярной книгой среди его сверстников была книга английского писателя Даниэля Дефо «Приключения Робинзона Крузо», обессмертившая имя своего создателя. Судьба путешественника, оказавшегося один на один с коварной стихией на необитаемом острове, описанная с необыкновенным мастерством и фантазией, волновала и волнует до сих пор миллионы читателей. У Дефо появилось много подражателей, создававших особенный тип повествований, где рисовались судьбы мореплавателей, предоставленных самим себе в борьбе с природой, но счастливо преодолевавших все невзгоды, благодаря собственной находчивости. Вот некоторые названия тех «робинзонад»: «Швейцарский Робинзон», «12-летний Робинзон», «Робинзон Младший», «Американский Робинзон. В России – «Настоящий Робинзон», «Русский Робинзон» и т.д. Литература робинзонады стала настолько обширна, что дала повод к изданию целых монографий и библиографических указателей.

Наш интерес к этой книге, написанной Дефо три столетия назад, не случаен. В Череповце стоящем от всех океанов достаточно далеко, живет семья, носящая фамилию Робинзона-Крузо. И об этом факте пресса рассказывала уже несколько раз. В «Голосе Череповца» в свое время появилась великолепная статья Елены Колядиной «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Малого Калининкова». Затем столичная газета «Советская Культура» опубликовала сообщение о череповецком феномене под названием «Робинзон-Крузо мечтает стать робинзоном». Героем этих статей был Лев Павлович Робинзон-Крузо, инженер-механик, талантливый изобретатель и певец Череповецкого народного театра, двадцать лет проработавший на строительстве города металлургов. Наше повествование посвящается жизни и деятельности его родственника - певца и артиста Государственного Академического Большого театра, Заслуженного работника культуры РСФСР Николая Николаевича Робинзона-Крузо (1888-1974). Правда, на афишах оперных театров Николай Николаевич значился - Крузо.

Свою не обычную фамилию Н.Н. Крузо унаследовал от отца Николая Федоровича – уроженца деревни Малое Калининково 1-й Петриневской волости Череповецкого уезда, что находилась в 40 километрах от уездного города Череповца. Достигнув 14 летнего возраста, Николай Фокин (такова была потомственная фамилия у Николая Федоровича) ушел из дома, служил в монастырях – Кирилловском, Феропонтовом. Затем уехал в Архангельск, откуда в качестве юнги-матроса отправился на торговом корабле. Был в Америке, Азии, Африке. Однажды в Индийском океане его шлюпка опрокинулась, и юнга еще с одним спасшимся матросом двое суток сидел на необитаемом острове. И когда, наконец, шторм стих, юнга вернулся на корабль, капитан сказал: «Отныне Фокин быть тебе Робинзоном-Крузо!» и собственноручно вписал новую фамилию в судовой журнал.

Вернувшись в родные края, Н.Ф. Робинзон-Крузо обосновался в Череповце. Поселился на Покровской улице и стал отцом большого семейства, имея шестерых детей. Служил он в винно-водочной фирме купца Небаронова. В 1888 году у Николая Федоровича родился сын, которого в честь отца назвали Николаем. Родители не могли и подумать, что их сын станет известным не только потому, что он носит необычайную фамилию, но и потому, что станет ведущим артистом самого Большого столичного театра.

О певце Николае Николаевиче Крузо пока не написано монографий. Его имени нет ни в энциклопедическом музыкальном словаре 1966 года, ни в музыкальной энциклопедии 1976 года, несмотря на то, что исполнительское мастерство Крузо при его жизни сопровождалось массой восторженных статей в столичных газетах и журналах. Составители названных энциклопедий сетовали: «число народных и заслуженных артистов и деятелей искусств намного превышает лимиты биографического раздела словаря».

Наш рассказ опирается, главным образом, на материалы, поступившие в фонды череповецкого музея, благодаря самому Крузо. Николай Николаевич не раз приезжал в Череповец. Здесь он был знаком со многими работниками культуры, в том числе и с директором краеведческого музея К.К. Морозовым, по просьбе которого Крузо написал свою биографию. В сжатой справочной форме певец запечатлел далеко не обычные факты истории восхождения мальчика из социальных низов до высот славы. Для нас автобиография Крузо интересна еще и тем, что раскрывает новые, малоизвестные страницы культурной жизни нашего города.

«Я помню Череповец с детства, - писал Крузо, т. е. с начала моей сознательной жизни 1890-х годов. Это был маленький, я бы сказал уютный, с населением четыре с лишним тысячи городок. Жизнь в нем шла, как вероятно, и в сотнях других русских уездных городков, описанных в своих произведениях А.М. Горьким (Детство), Г.И. Успенским и другими писателями. Единственное, чем Череповец был примечательнее других городов, - это большим количеством учебных заведений, куда стекались дети имущих родителей из деревень и ближайших городов – Кириллова, Белозерска, Весьегонска и др. В то время уже существовали: учительская семинария, женская гимназия, реальное училище, Александровское техническое училище, земледельческое училище, дом трудолюбия, ремесленное училище и начальные школы. В этом, по-видимому, большая заслуга в те времена крупного промышленника и городского головы И.А. Милютина, который, покровительствовал процветанию и культуре города».

Николай учился в двух учебных заведениях – сначала в начальной школе при учительской семинарии, а затем в четырехклассном городском училище. О них и их руководителях – Н.Т. Исаине и А.Д. Коровкине - Крузо вспоминал с уважением, тем более что в училищах череповецких всегда уделялось большое внимание музыке, пению, которые он любил больше всего на свете. Чистый голос Николая привлекал внимание местных любителей музыки.

Первым его учителем был преподаватель пения череповецкой учительской семинарии и руководитель соединенного хора Воскресенского собора и Благовещенской церкви - Григорий Яковлевич Егоров. После окончания новгородской учительской школы он приехал в Череповец и с 1885 года преподавал пение в учебных заведениях города, за заслуги перед которым был удостоен звания Личного почетного гражданина.

Григорий Яковлевич сразу же выделил Николая среди других мальчишек и привлек его к пению в хоре при Благовещенской церкви, регентом которого он был. Выступал хор так же и в Соляном саду, исполняя духовную музыку. Николай Николаевич вспоминал о том, что Егоров был очень «суров и строг, пуская часто

на спевках скрипичный смычок, а в церкви большой камертон – по нашим головам».

Николай с увлечением пел и в церковных службах, и в концертах. Он быстро сходилась с теми, кто так же, как и он, были захвачены страстью к вокалу, певческому искусству. Так он подружился с семьей преподавателя пения в женской гимназии, члена музыкально-драматического кружка Александра Александровича Шемановского, который прекрасно играл на контрабасе и был руководителем хора.

А.А. Шемановский и его 12 (!) детей играли на различных инструментах, составляя квартеты, квинтеты, секстеты и т.д. В их домашних спектаклях принимал участие и Николай. Дружба с семьей Шемановского продолжалась много лет и благотворно повлияла на музыкальное и вокальное будущее Николая. «Шемановский, - писал Крузо, - очень любил мой голос и всячески помогал в моем общем развитии».

Самым ярким впечатлением детских лет, Николай Николаевич называл празднование в Череповце 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, проходившее в «Соляном городке» Милютинского сада. Я впервые, учась в начальной школе при учительской семинарии, читал со сцены стихотворения А.С. Пушкина «Наводнение» и «Обвал» и пел в объединенном хоре».

В «Соляном Городке» выступали как профессиональные артисты, так и самодеятельные - члены любительского музыкально-драматического кружка. В него входили учителя, чиновники, врачи и их жены. Николай также посещал драмкружок, был в нем и артистом и певцом. Череповчане с удовольствием слушали и местных виртуозов, и заезжих знаменитостей.

Интересным и веселым для череповецких мальчишек, по воспоминаниям Крузо, было время ярмарочных дней, когда на старой Торговой площади (угол Крестовкой улицы и Воскресенского проспекта) располагались веселые балаганные театры. Лучшие места в них занимали купеческие семейства, главы которых приносили с собой фрукты и конфеты, это для жен и детей, а сами «степенные» в антрактах направлялись в трактир, или в чайную. Их на Торговой площади было предостаточно.

В балаганах давались героические с патриотическим духом представления. Сюжетом для них служили эпизоды из минувшей русско-турецкой войны. В представлениях принимали участие и настоящие солдаты. Интересно, что командиры не препятствовали этому увлечению своих подчиненных, и сами с удовольствием наблюдали за «военными играми».

На Торговой площади выступали скоморохи, силачи, клоуны, и среди них в это же время здесь собирались в больших количествах странники, калики перехожие, слепцы, идущие «гуськом» с поводьями. Они пели старинные былины, напевы которых, по утверждению Николая Николаевича, «использовал наш великий земляк композитор Н.А. Римский-Корсаков в операх «Садко», «Снегурочка» и других».

Таковыми же веселыми, захватывающими были масленичные недели. Не даром эти дни в народе называли широкой масленицей, во время которой устраивались самые разнообразные увеселенья – борьба, кулачные бои, фокусы разных «кунстмахеров», катание с ледяных гор, разьезды (катанье на показ). Вот, как об этом писал ровесник Крузо - бывший ученик череповецкого реального училища Игорь Северянин (1887-1941):

В катанье на масленице, в день третий,
Когда доставляла тройка меня
В город, в котором учились дети,

По главной улице ее гонял.
И разогревшись, дав Тимофею
На чай прикопленных три рубля,
Говорил: «Понимаешь?
Чтоб всех быстрее!»
И кучер гиком ее распял.
Десятки саней оставались сзади,
Саней уважаемых горожан,
И к общей зависти и досаде,
Мальчишка взрослых опережал.

Общепризнанным главой развлечений во время масленицы был «масленичный дед», который увеселял публику, потешая ее грубым и сочным острословием. Целыми часами без усталости смешил он нетребовательную толпу. Николай и его сверстники, как замороженные, следили за лицедейством доморощенного артиста. Искусство «деда» казалось им необычным, бесконечно привлекательным и колдовским.

В 1900 году после ликвидации фирмы купца Небаронова семья Н.Ф. Робинзона-Крузо стала испытывать нужду и решила перебраться в Петербург. Добирались они до столицы Мариинским водным путем через Рыбинск, который произвел на Николая неизгладимое впечатление, как крупный центр хлебной торговли, где на десятки верст по Волге тянулись и швартовались караваны баржей. И здесь он впервые «воочию увидел жизнь волжских бурлаков», и это поразительное зрелище осталось в его памяти навсегда.

В Петербурге глава семейства отдал Николая «в люди». Будущему артисту Большого театра в ту пору исполнилось 12 лет. Он стал «мальчиком на побегушках» в табачной фирме, пока не был призван в армию. Но, где бы он ни был, пение не оставляло его. Николай пел и в табачном магазине, и в солдатском строю, на вечеринках, митингах, концертах. На 200-летнем юбилее Петербурга, где он тоже был призван петь, Николай стал свидетелем того, как «черепане» (так именовали в то время себя череповчане) подарили столичной думе громадную шекснинскую стерлядь, поданную затем на торжественном обеде.

Время бежало быстро, а революция толкала Николая вперед еще быстрее. В 1917 году он сдал экзамены на аттестат зрелости, будучи начальником Окружного архива Петроградского военного округа. В дни Октябрьской революции Крузо принял активное участие в формировании штаба Красной Гвардии. В 1918 году он начал учиться пению в опере Михайловского театра. В 1919 году выступил на площади у Гатчинского дворца перед красноармейцами, уходящими на фронт. В этом же году Н. Крузо сформировал первый в Красной армии драматический театр, а потом и первую труппу в 70 человек.

В первые годы революции, как это не покажется странным, концертная деятельность в России была очень бурной. Крузо писал: «Жизнь моя, сложилась незаурядная, временами крайне трудная и вместе с тем интересная. 11 лет в армии, 7 лет старой и 4 года Красной. Несмотря на страшно тяжелые годы, голод, разруху, беспорядки, жизнь кипела ключом, и я прилагал все силы для достижения своей цели – стать одним из первых советских оперных певцов».

Наконец, в 1920 году, благодаря хлопотам месткома бывшего Михайловского театра, Робинзон-Крузо был отпущен из армии и получил полную возможность продолжать учиться вокальному искусству и работать в театре. Учился он сначала в музыкальном техникуме, а потом в Государственном институте музыкального просвещения. Его учителями были такие мастера, как бывшие ученики знаменитого Камилло Эверарди (преподавателя в Петербургской

консерватории) – Сеффери, Иоаким Викторович Тартаков (1860-1923) и Иосиф Гаврилович Супруненко (1861-1936). Актерскому мастерству его учил Иван Васильевич Ершов. Камилло Эверарди мог бы назвать Николая Крузо - «Ти моя внучка». Именно так он сказал Ф.И. Шаляпину, ученику известного оперного певца Дмитрия Андреевича Усатого (ученик Камилло) - первого исполнителя партии Ленского в «Евгении Онегине».

В 1924 году Николай Крузо выдержал конкурс и был принят солистом в Большой театр, где ему довелось исполнить свыше 20 партий. Вот его послужной список, собственноручно записанный им в то время, когда он служил солистом Большого театра. В этот список вошли 22 главные партии из классического репертуара Большого театра. Чего здесь только нет!: три оперы Чайковского, где Николай Николаевич исполняет партии Ленского из «Евгения Онегина», Германа из «Пиковой дамы», Андрея из «Мазепы». Далее в списке следуют: партия Лыкова из «Царской невесты» Римского-Корсакова, князя из оперы Даргомыжского «Русалка», Самозванца из оперы Мусоргского «Борис Годунов», Сиондала из оперы Рубинштейна «Демон», Дона-Хозе из оперы Бизе «Кармен», Герцога из оперы Верди «Риголетто», Канио из оперы Леонкавалло «Паяцы» и т.д. Это список, что называется, из первых рук. Ряд созданных им выдающихся образов был отмечен в столичной печати. Его концерты в разных городах Советского Союза также сопровождались громадным успехом и восторженными статьями в газетах.

Крузо был премьером Тбилисской и Ташкентской столичных опер. В его репертуаре этого времени также ряд выдающихся партий лирико-драматического тенора - Герман, Ленский, Дон-Хозе, Фауст, Индийский гость, Самозванец, Царь Иракий на грузинском языке, Лоренцо, Альфред, Пинкертон и многие другие.

Во время Великой Отечественной войны Н.Н. Крузо работал артистом-солистом во фронтовых концертных бригадах Государственного Комитета обороны (ВГКО), обслуживал воинские части, агитпункты, госпитали. На его счету 1500 выступлений. За участие в войне он был награжден медалями: «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», и «800-летия Москвы».

После войны Николай Николаевич помимо работы в оперных театрах и сольных выступлений в концертах вел большую и плодотворную музыкально-педагогическую деятельность в Государственной Московской городской оперной студии, Центральном Доме культуры железнодорожников и Краснознаменном ансамбле Советской армии, воспитывал молодые кадры, передавая им свой богатый опыт.

Н.Н. Крузо никогда не порывал связи с Череповцом и периодически навещал и город и деревню. Однажды он даже выполнил поручение местных революционеров. Было это в 1906 году во время первой русской революции. Николай ехал в Ергу к бабушке и по пути должен был порвать на Белозерском тракте телеграфный провод, что и было им исполнено.

В 1909-1910 годах Н. Робинзон-Крузо служил писарем в Управлении череповецкого уездного воинского начальника, где, была своего рода художественная самодеятельность. Николай в качестве певца принимал участие в работе драматического кружка. Вспоминая о нравах того времени, он писал: «У нас служил писарь Хамов, его две сестры учились в гимназии, при встречах с ним на улице ни он, ни они не подходили друг к другу, считая зазорным пойти вместе, или говорить с солдатом».

После Октябрьской революции 1917 года Николаю Николаевичу также приходилось бывать в Череповце, где жили его родственники. Один из них - П.Г. Робинзон Крузо был членом городского совета депутатов трудящихся. В

Череповце Н.Н. Крузо принимал участие в шефских концертах, на площади у Дворца Труда для уходящих на фронт частей Красной Армии, воевавших с белогвардейскими отрядами Юденича. «Там и начались мои первые выступления», - писал он в своей автобиографии.

В своих воспоминаниях Н.Н. Крузо говорит о профессиональном симфоническом оркестре «Ли́ра», с которым ему приходилось выступать в концертах. По мнению Николая Николаевича, появлению оркестра способствовало то обстоятельство, что кроме местных музыкантов-любителей, участников дореволюционного симфонического оркестра, в Череповец, вследствие голода, прибыли квалифицированные музыканты. Среди них были скрипач Л.Е. Шифман, контрабасист и музыковед Баткин, виолончелист Л.Н. Каменский и др. В газете «Коммунист» за 19 августа 1922 года есть объявление о том, что Череповецкое товарищество певцов и музыкантов «Ли́ра» намеревается проводить музыкальные вечера, и что первый вечер состоится 27 августа. В нем будут участвовать: симфонический оркестр, хор, инструментальные и вокальные солисты. В программе Чайковский, Глинка, Бородин, Шопен, Россини и др.

«В двадцатых годах, - продолжал Крузо, - в Череповце образовался также прекрасный профессиональный драмколлектив». Расположился он в новом здании – 4-ом каменном корпусе на Советском проспекте. Управляющим театром был Н.Г. Мирский, а режиссерами Н.Г. Гормин и известный артист Петр Ильич Андриевский, актер академических театров Петрограда. Приехал он в Череповец вместе со своей женой, также известной артисткой - К.В. Истоминой, ставшей любимицей череповецкой публики. Общее число служащих в театре составляло тогда 100 человек.

Последний раз, Крузо заезжал в Череповец, чтобы похоронить своего отца и повидаться с родственниками. Было это в 1932 году, когда Крузо гастролировал в Вологде с Московской оперой. В эти годы, - писал он, - «...в Череповце были уже весьма заметны сдвиги в общественной, культурной и промышленной жизни города. Школ стало еще больше».

С той поры Н.Н. Крузо долго не удавалось побывать в родном городе. В 1956 году в одном из своих интервью он говорил, что всегда любил свою родину и стремился к ней всей душой. «И вот теперь, слыша по радио и читая в газетах о новом череповецком Металлокомбинате, вступившем в строй – хочется от всей души пожелать моим землякам здоровья, больших успехов в работе и дальнейшего процветания города».

В 1959 году в Череповце появилось телевидение, и оно не раз показывало концерты с участием Робинзона-Крузо череповецким телезрителям.

Шестнадцатого мая 1968 года Н.Н. Крузо было присвоено звание - «Заслуженный работник культуры РСФСР», а в августе он отправился в Череповец. Артисту в это время было 80 лет. Встреча череповецких поклонников таланта Робинзона-Крузо проходила в здании Дворца культуры металлургов на Советском проспекте.

В Череповец Н.Н. Крузо приехал со своей ученицей. Вместе они исполнили несколько арий из опер и романсы. Аккомпанировал им сын Крузо - Виталий, одаренный музыкант по призванию, шофер такси по профессии. Зрители долго не расходились, расспрашивая Николая Николаевича о дореволюционном Череповце, о встречах и совместной работе его с выдающимися мастерами русской оперной сцены - Леонидом Собиновым, Федором Шаляпиным, Валерией Барсовой и другими. В своей речи Николай Николаевич отметил большие изменения, которые произошли в общественной, культурной и промышленной жизни города - школ в нем стало еще больше, построен металлургический комбинат. В заключение Н.Н. Крузо пожелал городу дальнейшего процветания.

Н.Н. Робинзон-Крузо прожил долгую жизнь. Умер он в 1974 году, похоронен в Москве на Ново-Девичьем кладбище.

Оперный репертуар Николая Крузо, составленный им самим:

1.	Чайковский	«Евгений Онегин»	Ленский
2.	**	**	Трике
3.	**	«Пиковая дама»	Герман
4.	**	«Мазепа»	Андрей
5.	Римский-Корсаков	«Царская невеста»	Лыков
6.	**	«Садко»	Индийский гость
7.	Даргомыжский	«Русалка»	Князь
8.	Рубинштейн	«Демон»	Сиондал
9.	Мусоргский	«Борис Годунов»	Самозванец
10.	Долидзе	«Лейла»	Царь Ираклий (на грузинском языке)
11.	Триодин	«Степан Разин»	
12.	Корчмарев	«Иван-солдат»	Князь Данило
13.	Бизе	«Кармен»	Дон-Хозе
14.	Гуно	«Фауст»	Фауст
15.	**	«Ромео и Джульетт»	Ромео
16.	Верди	«Риголетто»	Герцог
17.	**	«Травиата»	Альфред
18.	Леонкавалло	«Паяцы»	Канио
19.	Пуччини	«Тоска»	Кавардос
20.	**	«Чио-Чио-Сан»	Пинкертон
21.	Масканьи	«Сельская честь»	Туриду
22.	Обер	«Фра-Дьяволо»	Лоренцо

Н.П. Тихомирова,
кандидат филологических наук
профессор кафедры русского языка и общего языкознания ЧГУ

Знатоки родного края

В XVIII - XIX в.в. в обществе возрос интерес к истории родного края, его природе, языку. Об этом интересе, в частности, свидетельствует «Положение собрания университетских питомцев, сделанное в полном заседании января 27-го дня 1789 года», призывающее собирать местный материал, имеющий отношение: 1) к натуре, 2) к гражданству и 3) к языку отечественному нашему. Призыв нашел отклик в среде сельской интеллигенции – учителей, врачей, священников. Именно они собирали и присылали материалы, которые печатались в «Трудах...» Общества любителей российской словесности, Географического общества и других изданиях.

Среди череповецких краеведов XIX – нач. XX в.в. выделяется фигура земского фельдшера Михаила Кондратьевича Герасимова. О его жизни известно немного: родился в г. Весьегонске, окончил Санкт-Петербургскую военно-фельдшерскую школу, 6,5 лет прослужил военным фельдшером, принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 г.г., имел награды. С 1882 г. М.К.Герасимов служит фельдшером в Уломской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии. Участок, обслуживаемый им, насчитывал около 29 тысяч жителей и был разбросан на 24-25 верст от больницы.

Несмотря на большую профессиональную занятость, М.К. Герасимов находил время для сбора и изучения диалектного, фольклорного, этнографического материала, истории края. Для журналов «Этнографическое обозрение», «Живая старина», газеты «Новгородские губернские ведомости» им было подготовлено более 20 статей. Среди них: «Некоторые обычаи и верования крестьян Череповецкого уезда», «Из Череповецкого уезда пословицы, приметы, обычаи», «Молитвы, заговоры и заклинания, записанные в Череповецком уезде: 1.Обходные заговоры пастухов. 2.Охотничьи заговоры», «Предания о панах и кладах в южной части Череповецкого уезда», «Прозвища крестьян Череповецкого уезда» и другие. Важным, на наш взгляд, в работах краеведа является указание на ареал описываемого обряда, обычая: автором дается название села, волости, северной, южной, восточной, западной части уезда. Материалы, собранные М.К.Герасимовым, - своеобразный вклад в энциклопедию края, и в этом плане сведения о деревнях могут пригодиться и историкам, и этнографам, и лингвистам. Так, раскрывая понятие «самоходка», собиратель указывает, что обычай выхода замуж без согласия родителей наблюдается в северо-восточной части уезда, в южной части его нет. Только в северной части уезда сохраняется обычай посещения тещей зятя в так называемое «хоровинное воскресенье» («хоровина» - 'теща') [1]. Своеобразную память об истории края хранят так называемые предания о «панах», записанные М.К.Герасимовым в южной части Череповецкого уезда. В частности, он пишет: «Что многие партии поляков побывали во многих погостах и селениях, указывают предания, существующие во многих приходах и волостях. Почти всегда пребывание литовцев в данном месте связано с сокрытием ими кладов и частым упоминанием «могильников» и «урочищ», на которых существовали селения, разоренные поляками...Предполагаемые предания до того смутны, что у населения не сохранилось даже имени разорившего их народа: поляки и литовцы слывут под общим именем «панов». [2] Надо сказать, что подобные легенды в этих краях живут и в настоящее время. Так,

студентами во время диалектологических экспедиций записаны рассказы о происхождении географических названий *Дружинское* (озеро), *Вещая Лужа* (урочище), которые местные жители тоже связывают со временами польско-литовского нашествия. Об отголосках языческой религии свидетельствуют записи краеведа о почитании культа деревьев, рощ, камней, источников: «Почитание отдельных деревьев выражается в более слабой степени, вешают на деревья тряпку или полотенце с нашитыми на них черными или красными крестами, которые перед тем были прибиты к наружной стене дома в течение 6 недель, на основе поверия, что душа умершего в продолжение 40 дней прилетает свое жилище, умывается водой, вытирается полотенцем (д. Ягница). Девушки в день весеннего Егория привязывают красные лоскуты на березы, вверяя им свою судьбу и загадывая о будущей доле, в Троицу пускают их в воду». [3] В южной части уезда он отмечает обилие рощ, тщательно охраняемых и почитаемых. Признаками почитания служат неприкосновенность, рассказы о том, что с теми, кто покушался на деревья, случались несчастья, наличие часовни при роще, молодежь никогда не собирается веселиться возле этих деревьев. Любопытны и его заметки о народной медицине. Некоторые из них также свидетельствуют о древнем культе деревьев: «Способ лечения больных детей: их протаскивают между ступенями сквозной лестницы (д. Бор, Уломская волость). При болях в пояснице: больной должен потереться обнаженной спиной о деревянные подпорки, стоящие около заборов или о серединную стенку овина (д. Клопузово)». [4] Работы М.К.Герасимова содержат и наблюдения над современным ему бытом деревни. Так, в статье «Что и как читают крестьяне» отмечается, что количество книг, виденных автором у крестьян, невелико (около 100), более одной трети из них имеют религиозное содержание, подростки и молодежь более всего интересуются книгами исторического содержания. [5]

Часть неопубликованных материалов, собранных М.К. Герасимовым, хранится в архиве Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, в архиве Географического общества. Среди них привлекает внимание «Цветник, или травник д. Хмелины Череповецкого уезда». Травник переписан краеведом с более ранней рукописи, которая хранилась у крестьянина С. Сенюшкина. В рукописи содержится информация о 178 травах, дается их название, описание, действие, которым они обладают. Например, «царевы очи – растение в бору, на сухих местах, кустиками, очень малая, в нитку. Жар от нее, как от злата. Листу на ней нет; цвет имеет багровый – невелик. Хорошо держать при себе, у кого глаза болят, то болезнь пройдет. Если жена мужа не любит – имей траву – любить станет». [6] Названия трав можно распределить по следующим тематическим группам: 1) названия трав, исцеляющих людей от различных болезней: буковица, вонец, вороново око, роман и др.; 2) названия трав, исцеляющих животных: губа великая, лапур, синобник, хреповорот и др.; 3) названия трав, способствующих в каком-либо промысле, предприятии: алмаз трава, буян, замок, любим и др.; 4) названия трав, исцеляющих от различных болезней и изгоняющих «нечистого духа», защищающих от «чародеев» и «еретиков»: архангелин, бель, петров крест и др.

За свою деятельность по изучению края М.К.Герасимов был избран членом-сотрудником двух ученых обществ – Русского Географического и Общества естествознания, антропологии и этнографии. Географическое общество дважды награждало его именными серебряными медалями.

М.К.Герасимов оставил о себе добрую память не только как медик, краевед, но и как человек, обладающий замечательными качествами характера. Много добрых слов было сказано о нем по поводу 25-летия его медицинской деятельности, в том числе таких: «Всегда, даже при утомлении, ровное и

спокойное отношение к пациентам, одинаково внимательное отношение как к богатым, так и бедным, постоянная готовность помочь всякому, кто нуждается в помощи».

Главной заслугой М.К.Герасимова является составление «Словаря уездного череповецкого говора», который был опубликован в 1910 году. [7] Материалы для словаря собирались в течение 23 лет жизни в Череповецком уезде. Он включает более 3000 лексических единиц, среди которых местные слова и выражения, географические названия, личные имена людей, прозвища. К словарю приложен «Хронологический указатель сочинений о Череповецком уезде» (1814 – 1904 г.г.). Словарь явился своеобразным итогом краеведческой деятельности М.К. Герасимова. В него вошли многие материалы, опубликованные им ранее в виде статей и заметок. В научной литературе этот словарь ставится в один ряд с такими известными словарями, как «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. Подвысоцкого и «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского.

Непосредственно словнику предшествует «Краткий очерк череповецкого народного говора», в котором автор попытался выделить некоторые фонетические черты описываемого говора, например, цоканье (*цашка, доцка*), эпизодическую замену [х] на [ф] (*куфарка, куфня*), прогрессивную ассимиляцию по мягкости (*льню, мамонья*), изменение гласных под ударением (*артиль, седу*), переход [е] в [о] в заударном слоге (*больнё, морё*), отметил грамматические особенности в области имен существительных (*на лошаде, с длинным рукам*), имен прилагательных (*красной цвет, скоряе*), глаголов (*майси, застрелилсы, дождешшы*), синтаксические особенности, в частности, использование словосочетаний с именительным падежом существительного в роли прямого дополнения (*баня топить*), наличие постпозитивных частиц (*кони-те, дома-те*). М.К. Герасимов не имел специального филологического образования, что, по его собственному признанию, «не позволило обработать местный говор по всем правилам науки», но материал, используемый им, как в очерке, так и в словарных статьях отличается необычайным богатством и дает представление о говоре Череповецкого уезда конца XIX – начала XX вв.

Лексика, нашедшая отражение в словаре, раскрывает различные стороны жизни народа. Она разнообразна по тематической принадлежности: названия одежды (*бархатник, кумачник, волосатик*), кушаний (*верещага, доспешник*), посуды (*волошок*), сельскохозяйственных построек (*мекальница, стайка*), растений (*синюха, беломойка*), животных (*полуторник, язвица*), народные названия месяцев (*бокогрей, травоспел*), местные географические термины (*веретья, чупа, шайма*). Заметное место занимает лексика, имеющая отношение к области народно-бытовой медицины, что связано с профессиональной деятельностью М.К.Герасимова. Например, *осенуха* - 'перемежающаяся лихорадка', *озеп* - 'детская болезнь от дурного глаза', *процаться с местом* - 'при некоторых болезнях нужно припомнить место, где заболел, и сходить проститься с ним'. В словаре представлены материалы этнографического характера. Как правило, значения этнографизмов толкуются описательно. Например: *бить печь* - 'сзывают помочь, человек 10-12, мнут глину и из больших кусков, наподобие кирпичей, кладут русскую печь и оканчивают в один день, потом высушивают'; *мокоша* – *нечистый дух, живущий в избе (не домовиха), имеет образ женщины с большой головой и длинными руками, любит прясть по ночам кужли, оставленные женщинами без присмотра*; *полуверицы-существа* *средние между нечистым духом и человеком. Живут невидимо в курганах, ямах и канавах. Это души некрещеных младенцев и людей, проклятых*

и увлеченных лешими. Полуверицы живут семьями и являются в человеческом образе. Ходят даже в церковь, только во время херувимской песни уходят из нее. Отличить их можно тем, что они платье застегивают на левую сторону (Кисовский приход Дмитриевской волости), горе - 'беседная игра в д. Коротневе Петриневской волости'.

Несомненным достоинством словаря является наличие в нем списков микропонимов и антропонимов. Микропонимы относятся к тому разряду лексики, который имеет способность быстро исчезать, между тем, это один из источников изучения и истории языка и истории народа. Так, М.К.Герасимовым зафиксирован микропоним *Волча* (пустошь). В этом географическом названии можно отметить диалектные фонетические изменения (вопча – вопчая – общая). Происхождение микропонима, вероятно, связано с социальными явлениями в жизни деревни: деля и размежевая земли, крестьяне постоянно оставляли некоторые угодья неразделенными, в общем пользовании. Такие угодья на Севере назывались «обчихами», «вопчихами», «вопчими землями». Наличие в словаре бытовых вариантов личных имен позволяет определить аффиксы, активно участвовавшие в прошлом в образовании антропонимов: *Венюк* от *Иван*, *Антуш* от *Антон*, *Перша* от *Порфирий*, *Петряк* от *Петр* (-юк-, -уш-, -ш-, -як-). Интересны и прозвища, зафиксированные в словаре: *Басалай* (озорник), *Гашило* (запасливый), *Заваря* (зачинщик), *Тюкалко* (драчун). Некоторые прозвища, данные в словаре, имеют региональный характер. Появление их может быть объяснено природными, экономическими особенностями края, историей его заселения. Так, в Череповецком и соседних с ним Устюженском и Белозерском уездах имелись в прошлом месторождения болотной руды. Улома являлась главным центром гвоздильного производства. В череповецких говорах бытовала поговорка о тяжелой работе и выносливости кузнецов – «Улома железная, а люди каменные». Занятие населения гвоздильным промыслом нашло отражение в прозвище *Гвоздяная матка*: так прозвали купца, удачно производившего торговлю гвоздями и обучившего этому же своих многочисленных родственников.

Словарь М.К.Герасимова, несмотря на некоторые его недостатки, явился одним из лучших диалектных словарей, которые были созданы на рубеже XIX-XX в.в. До настоящего времени он остается незаменимым источником различных сведений как для лингвистов, так и для всех тех, кто интересуется историей Череповецкого края.

Примечания:

1. Герасимов М.К. Некоторые обычаи, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. – 1894. - №1. – С. 121-127.
2. Герасимов М.К. Предания о «панах» и кладах, записанные в южной части Череповецкого уезда // Новгородские губернские ведомости. – 1896. - №56.
3. Герасимов М.К. Из преданий и поверий Череповецкого уезда // Этнографическое обозрение. – 1898. - №4. – С. 124.
4. Там же. С. 125.
5. Герасимов М.К. Что и как читают крестьяне // Новгородские губернские ведомости. – 1896. - №№14, 16.
6. Герасимов М.К. Цветник, или травник, собранный в д. Хмелины Череповецкого уезда // Архив Русского Географического общества. Рук. XXIV, №37, тетр. №4. – 1982.
7. Герасимов М.К. Словарь уездного череповецкого говора // Сборник общества русского языка и словесности. – 1910. – Т.87, №3.

О.А. Владимирова,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры теории и истории культуры ЧГУ,
преподаватель Череповецкого училища искусств
и художественных ремесел им. В.В.Верещагина

Жизнь в предчувствии войны...
(памяти моего деда Г.И. Васильева (1906-1940) и всех воинов,
погибших в Советско-финскую войну 1939-40 гг.)

30 ноября этого года исполнится ровно 70 лет с начала зимней советско-финской войны, которая продолжалась всего 105 дней (перемирие было заключено 12 марта 1940 года). После войны границы СССР были отодвинуты на север и северо-запад на несколько сотен километров; уменьшена военная опасность для Ленинграда; улучшена стратегическая обстановка для кораблей Балтийского флота. Но достигнуто это было огромными жертвами со стороны советских воинов. Среди тех, кто погиб в этой войне, был и мой дед – Георгий Иванович Васильев, лейтенант-разведчик, служивший в 187 отдельном разведывательном батальоне.

В нашей семье давно хранятся его письма из Ленинграда, где каждое лето он был на военных сборах и с зимней советско-финской войны. Это был (судя по рассказам бабушки, мамы и родственников, которые знали его) очень красивый, заботливый, веселый, глубоко порядочный, смелый и отважный человек. Бабушка, Ольга Кузьминична, его очень любила. После гибели мужа в ее квартире на комодѣ долгие годы стоял очень большой фотографический портрет Георгия Ивановича, помещенный под стекло в деревянную рабу. А письма 30-40-х годов она хранила в сумочке, подаренной им – круглой, коричневой лаковой кожи с симпатичными застѣжками из искусственного янтаря в виде ольховых шишек (наверное, именно эти застѣжки и привлекли мое внимание в детстве к этой

сумочке). Но во внутрь любопытной дитяте бабушка заглядывать не давала. Тем сильнее сумочка манила меня и хотелось познакомиться с ее содержимым. Когда я была еще школьницей 11-12 лет, я пыталась читать письма деда, но многого в них не поняла. А потом жизнь мчалась вперед и вперед, отвлекая от истории и писем. И вот теперь пришло время рассказать о моем дѣде и многих его современников, 30-х годов, которые так же как и он, работал, любил своих близких, но были призваны Родиной на войну и погибли там.

Георгий Иванович родился и вырос в пос. Ёрга в многодетной семье – их было 4 брата и 4 сестры. Мать умерла рано. Но семья была довольно зажиточной – по рассказам родственников, у отца была мельница, маслобойня, лошади и даже дом в городе Череповце. Отец Георгий Иванович, когда дети уже были взрослыми, предчувствуя революционные изменения в жизни, разделил все

имущество между ними, а себе оставил только небольшую баньку, где стал жить с новой молодой женой – бедной нищенкой. Но все равно, когда началось раскулачивание, к нему тоже пришли, надеясь получить что-то из накопленного «добра» на нужды колхоза. Но вместо богатства увидели только убогую баньку, да молодую жену с маленьким ребенком на руках. Так и отступились от него, объявив «выжившим из ума». Взрослые дети тоже не одобряли новую жену отца и считали его женитьбу «причудой».

Георгий вынужден был в поисках лучшей доли уйти жить в город Череповец. Там он выучился ремеслу сапожника. Был комсомольцем, потом стал членом коммунистической партии.

По рассказам бабушки и мамы, он работал на череповецкой обувной фабрике заводским.

Годы были голодные и сложные - коммунистов отправляли и на продразверстку. Дед не любил такие поездки, по рассказам бабушки «приезжал оттуда весь нервный, очень переживал за людей, у которых изымал хлеб».

Дед был очень сильным, спортивным, на старых фотографиях есть его изображения среди девушек-комсомолок спортсменок, сдававших нормы ГТО и получивших значки «Ворошиловского стрелка». Был такой значок и у деда. Дед участвовал в строительстве Дома обороны, потом работал в нем заведующим, вел военную и спортивную подготовку молодежи. (Это здание находилось на ул. Сталеваров, а ныне на этом месте выстроен огромный жилой девятиэтажный дом). Каждое лето молодежь уезжала в военно-спортивные лагеря в

дер. Куцуба.

Возможно, там он и в 1931 году и познакомился с моей бабушкой – Ольгой Кузьминичной Чистяковой, которая тоже была из большой семьи и родилась в деревне Заречка. Бабушка рано потеряла свою мать, отец женился вторично, а мачеха недолго любила детей от первого брака мужа. И потом в 10 лет бабушке пришлось уйти жить в Череповец – сначала в няньки к учителям Бакиных в с.

Рождество, потом она пошла работать на трикотажную фабрику, стала комсомолкой. Бабушка была малограмотная, поэтому посещала вечернюю школу для взрослых, где русский язык и литературу преподавала замечательный педагог Лидия Дмитриевна Генко. Школа находилась в «Криулях», за теперешним зданием Музейного объединения по Советскому проспекту.

Поженившись с дедом Георгием они сначала снимали комнату в Новой деревне (территория современного стадиона «Металлург» и СКЗ «Алмаз»), а потом перебрались на ул. Социалистическую, д.28, где деду как заведующему Домом обороны были выделены две комнатки. К тому времени у них родилась дочка Валя (моя мама). В письмах деда остались описания их образа жизни: много работы на производстве, учеба, общественная работа. В выходные дни летом всей семьей любили ходить гулять на природу или в городской сад (парк культуры и отдыха), в музей. Смотрели все привозимые в город кинофильмы, осенью и зимой дед и бабушка бывали в городском театре. Георгий Иванович очень любил летом купаться на Ягорбе, по которой тогда сплавляли много плотов с лесом – «гонок». До этих плотов можно было добраться с берега по специальным плавучим мостикам. У деда был велосипед (по тогдашним временам – большая редкость), зимой он катался на лыжах.

Казалось бы, жизнь налаживалась, но со второй половины 30-х годов над миром нависла военная угроза и многих коммунистов призвали на военную службу. По рассказам бабушки, дед заочно учился в Ленинграде в военной академии, каждое лето несколько месяцев он проводил на военных сборах. Вот выдержки из письма деда от 11-го мая 1937 года: «... в Ленинград приехал благополучно. 5-го мая прошли

соответствующую регистрацию и проверку. 6 мая в выходной день провели краткое совещание, а с 7-го числа приступили к занятиям. Весь курс слушателей укомплектован из коммунистов, и люди на данные курсы посланы, я бы сказал, весьма авторитетные, что называется актив н/(нашей) области. Общежитие для нас, Оля, отведено в «Южной» гостинице на Растанной улице. А занимаемся на Международном (ныне Вознесенском – примечание автора) проспекте д. №9 при Институте ж.[елезно-] д.[орожного] транспорта, куда приходится ехать на двух трамваях и каждый день платить за проезд 60 к. В части занятий затруднений пока для меня нет, иду пока в числе первых, (это в части общеобразовательных предметов), а специальные предметы пока еще прошли только вводные темы. Занимаемся, Оля с 9 часов утра до 4 часов без перерыва. Обедаю иногда в столовой при институте, а иногда в других, утром едем сразу на занятия, в институте есть буфет, в перемену можно закусить. К части культ.[урного] обслуживания так можно располагать только на свой бюджет, который, как ты знаешь, весьма ограничен. В кино пока был один раз. В театре не был. Гостиница наша недалеко от Лиговской улицы на углу Боровой, от центральных улиц далеко, а поэтому во избежание возможных неприятностей в общежитие забираюсь из засветла».

Судя по описаниям в письмах деда того периода, воинские лагеря были на территории Петропавловской крепости. Выезжали они и на полевые учения под Ленинград. В письмах дед сообщал о своих успехах в освоении воинской науки. Из письма от 18 мая 1937 года: «...17 мая сдавал месячный зачет по военным дисциплинам. Ответил на все вопросы с оценкой на «хорошо», бываем на стрельбище. Основные стрельбы у меня как у пулеметчика, из станкового пулемета, первую зачетную задачу из станкового пулемета выполнил на «Отлично». Из письма от 30 мая 1939 года: «По марксистско-ленинской имею оценку «отлично», по мат.[ериальной] части оружия «отлично», выполнение стрельб из станкового пулемета «отлично» и остальные на «хорошо», в дальнейшем не буду снижать темпов в учебе, а наоборот стремиться повышать, а если бы видеть тебя и быть с тобой учеба пошла еще более успешной».

О распорядке дня военных курсантов можно судить по письму деда от 24 апреля 1939 года: «Занимался сейчас в классах и на воле. Подъем в 6 часов утра.

Свободного времени почти нет, приходится нажимать на учебу. С 1-го Мая будем время от времени выезжать в поле за город. 18 апреля был на экскурсии – смотрел выставку-панораму «Штурм Перекопа». В этот день был на экскурсии в соборе Петрокрепости и в камерах крепости, где царское самодержавие держало революционеров. На курсах много ленинградских, их после занятий ночевать каждый день отпускают домой к жёнкам». В следующих письмах он писал : «19 мая перешли в лагерь тут же на территории крепости. Лагерь раскинулся на крыше стены крепости. Рядом от нас через залив от Невы – народный сад, американские горы, очень шумно часов до 2 ночи. <...> 31 мая будет выход на целую шестидневку. Сейчас пришел из города и в палатке пишу вам письмо».

Чтобы обезопасить здоровье будущих воинов, делались медицинские прививки (от оспы) и, по словам деда «комбинированные уколы» которые были довольно болезненны.

Были у слушателей военных курсов и культурные мероприятия: «Время от времени в своем клубе показывают кино. Последние новые картины я их видел все в Череповце, некоторые приходится смотреть второй и 3-й раз, несколько раз был в кино в гражданском. С газетами обстоит несколько хуже – не каждый даже день приходится читать газету, в свободные минуты и в выходной день читаю книги – у нас хор.[ошая] библиотека, сейчас дочитываю книгу «Цусима»» (письмо от 4 мая 1939 года).

Дед писал часто – каждую неделю, всегда заботливо интересовался о самочувствии бабушки и о делах на производстве, об общественной жизни в городе. о дочке Вале и даже иногда делал в письмах для нее небольшие приписочки. Вот, например, из письма от 4 апреля 1939 года: «Письмо Вале! Милая дочурка Валя! Напиши папе письмо, как поживаешь, когда приеду домой, мы опять с тобой будем ездить на велосипеде купаться на речку. Слушай, Валя, маму. Я привезу тебе игрушку. До свидания, твой папа Жоржик».

Но в то лето 1939 года дед вернулся домой только к началу июля, а 9 сентября (накануне дня рождения дочери) уже булл призван в действующую армию на границу с Финляндией. Мама рассказывала, что его отряд шел ночью по Социалистической улице и дед на секундочку забежал во двор, стукнул в окно

(квартира была на 1 этаже) и сообщил бабушке, что отряд уходит на вокзал. Бабушка, накинув рабочий халат, побежала за ними по улице. Мобилизованные уезжали на поезде, а место формирования было в Луковце.

Обстановка на границе была беспокойной и войны, знали, что предстоят серьезные испытания. В то время существовала система страховок, и дед, уходя на войну, застраховался и даже выплатил страховку на год вперед. Это очень помогло потом маме и бабушке – после его гибели они до войны 1941 года получали по его аттестату зарплату, которая была 400 рублей, а после начала войны – только пенсию в 180 рублей. По тем временам это были хорошие деньги, и они жили сносно. В предвоенном письме от 28 ноября 1939 года Георгий Иванович, понимая опасность, которой себя подвергает, дал напутствия жене на будущую жизнь и написал письмо для дочери, которое просил отдать ей, когда подрастет. В нем он писал: «мой завет будет тебе: расти умницей, будь выдержанной и образцом везде, и самое главное, Валя – учись, учись, учись, бери из жизни все лучшее и сторонись плохого. Твой папа не имел возможности получить нужного воспитания и образования, и детство было безрадостным. Сейчас жизнь совсем другая и ваше детство сейчас радостное – счастливое. Нашу цветущую жизнь, прекрасную родину и ваше счастливое детство и призваны мы защищать от врагов-капиталистов».

Сохранились еще несколько писем с войны. Тогда еще не было жесткой цензуры и потому дед писал довольно пространные письма, правда, не называя конкретных мест дислокации своего воинского подразделения. Вот как он описывал начальные дни войны против финнов в письме от 10 декабря 1939 года: «мы начали боевые действия 30 ноября в 8 часов утра и сразу перешли границу. Сообщаю, что особенно жаркий бой у нас был 4 декабря, который проходил за овладение островом, где упорно оборонялись белофинны. Я с первых дней как в армии, команду 1-м взводом своего подразделения, в бою находился в передовых рядах и увлекал за собой бойцов под градом пуль и артиллерийской канонады. В моем взводе ранено 4 чел., тяжело ранен 1 чел., убитых у меня нет – после боя получил одобрение от командования за проявленный героизм. Боевая жизнь развернулась во всей своей красоте; обитаем в лесах, финны, когда отступают, то все абсолютно сжигают, не оставляют ни одного дома. До момента войны план был намечен пройти Финляндию в 8-10 дней, но уже 11 дней прошло, а конца не видно, наши части пока продвинулись на 70-80 км., финны упорно обороняются, но мы все равно на своем пути сметем все преграды. Вчера 9 декабря на одни сутки наша рота отошла на отдых, (как раз день моего рождения). Помылись в бане и надели чистое белье, а это сейчас является большой потребностью и своего рода удовольствием. После бани по-человечески выпил кружку чая, с утра опять выступать в разведку. Плохо еще то, что здесь начинаются морозы – ходим в сапогах, а сапоги попали тесноваты, не думал, что придется оставаться в армии в зиму. <...> Сейчас наша задача такова – горим желанием скорее разгромить белофиннов, навести в Финляндии порядок и скорее возвратиться в родные места к своим родным».

В письме от 8 января 1940 года он так описывал военную обстановку: «Сейчас в разведку ходим на лыжах по суткам и больше по лесам ночью, недавно за сутки в разведке пришлось пройти 60 км. Работаем в трудных условиях, приходится все быть командиром разведки». В тот же день вечером, дед написал еще одно письмо, где более подробно изложил свои впечатления: «Сегодня со

вздохом нахожусь в резерве – одновременно несу охранение штаба, а завтра, наверное, придется получить опять задачу – белофинских банд много появилось в наших тылах, которые стремятся творить всевозможные пакости на каждом шагу. Нам сейчас в основном, приходится вести дело по уничтожению проникнувших банд, которые особенно мешают нашему транспорту на дорогах. Ну и основная наша работа является разведка. Сейчас получили белые халаты и лыжи и сразу же при получении лыж пришлось идти в разведку на сутки – отъехал 60 км. Разведку приходится вести больше ночью – в непосредственной близости с противником – на незнакомой местности, ориентируясь по карте и компасу. Только сомневаемся, чтобы не попутал компас – в условиях ночи и плохой видимости, если не сможешь хорошо ориентироваться, то легко и заблудиться и идти не в ту сторону. Последние дни была ужасно паршивая погода – ураган, снегопад – дороги подзаваляло, отразилось на движении транспорта, ну и конечно, на доставке почты. Наш фронт, да и вообще на других фронтах наступления пока нет. Наши части занимают в основном оборону, но надо полагать, что правительством будут приняты все меры к тому, чтобы быстрее завершить – покончить с белофиннами. В ближайшее время должны начать решительное наступление. Плохо то, что Финляндия – страна лесов, озер, болот и самое плохое для нас – это громаднейшие гранитные скалы высоченные, и они тянутся на довольно большое расстояние – вот что из себя представляет суровая неприветливая по своей природе Финляндия – это все вместе взятое немало затрудняет наше продвижение вперед. Мирного – гражданского населения – нет – их насильно угоняют белофинны при отступлении со своих насиженных мест, судя по всему, население настолько поспешно уходило, что очевидно успели и смогли захватить только своих детей. Теперь еще приходится определить, что финны народ весьма культурный в быту – это все бросается в глаза, когда зайдешь в уцелевшие от пожарищ дома, или которые не успели белофинские банды сжечь. Но есть и такие лачуги, каких у нас в СССР не найдешь. Это говорит о том, что немалая часть населения едва влачит свое жалкое существование. Их солдаты, бывают случаи, переходят на нашу сторону, были бы переходы больше, но как рассказывают пленные, их запугивали свои офицеры тем, что пленных мы расстреливаем. В бой идут все больше пьяных, это говорит за то, что финский солдат одурачен своими офицерами и слепо выполняет их волю».

Из последнего сохранившегося письма от 9 января 1940 года: «Ну а положение на фронте сейчас – идет подтягивание сил, на днях должно быть решительное наступление, а то долго застопорились на одном месте. Белофинны упорно сопротивляются – а за последние дни делали неоднократные попытки бешеных наступлений на наши позиции».

11 февраля 1940 года после массированной многодневной артиллерийской подготовки РККА совместно с частями Краснознаменного Балтийского флота и Ладужской военной флотилии начали новое наступление. Основной удар пришелся на Карельский перешеек. В течение трех дней войска 7-й армии прорвали первую полосу обороны финнов и ввели в прорыв танковые соединения. 17 февраля финские войска приказом командования отошли на вторую полосу из-за угрозы окружения. В тот день мой дед, проявив героизм и мужество погиб в боях за город Питкяранта...

Мы до сих пор не знаем точного места захоронения Георгия Ивановича. Долгие годы об этой войне говорили очень мало, ведь следом за ней прошла долгая и тяжелая Великая отечественная, и пережитые невзгоды и потери этой войны заслонили зимнюю финскую 1939-40 годов... Бабушка хотела похоронить деда на родине, пыталась получить на это разрешение до Великой отечественной войны, но ей это не удалось. И после войны она делала запросы в военкоматы, но

не получала ответов – войны дважды прошли по тем местам, где воевал и погиб дед, сметая все на своем пути, да и многие архивные данные были засекречены вплоть до начала 90-х годов XX века. И сейчас, поездка в город Питкяранту, который находится вблизи финской границы, связана с оформлением особого пропуска в приграничную зону.

По материалам Интернета удалось выяснить, что в нескольких местах г. Питкяранта и его пригородах сохранились братские могилы советских солдат, погибших в 1939-40 годах. 27 июня 2000 года в Питкярантском районе был открыт мемориал Крест Скорби, памяти погибших в войне советских и финских воинов...

О некоторых специфических чертах культурной жизни Череповца (II половины 1950 – середина 1980-х годов)

Специальной государственной программы для развития культуры молодых индустриальных городов, к которым относился Череповец, с учетом их проблем (высокие темпы увеличения населения города, преимущественно за счет механического прироста; высокие показатели естественного воспроизводства; своеобразие городского населения, состоявшего в основном из различных маргинальных групп, с соответствующими социокультурными характеристиками; преобладание в составе горожан молодежи; отсутствие устойчивых культурных традиций на территории города и т.д.) в исследуемый период не было.

Политика в области культуры на территории города определял и разрабатывал городской совет депутатов, его исполнительный комитет, постоянная комиссия по культуре при исполкоме, отдел культуры Череповецкого горисполкома, созданные при нем в разные годы исследуемого периода общественный Совет по культуре, межведомственная библиотечная комиссия, выставочный комитет, репертуарная комиссия дискотек и вокально-инструментальных ансамблей – руководители работой городских и ведомственных учреждений культуры, расположенных на территории Череповца, самостоятельными творческими объединениями.

Большое значение придавалось идейному содержанию культуры, которая, как культура советская, развивалась на основе марксистско-ленинской идеологии.

Партийные органы различных уровней контролировали и направляли всю систему управления культурой, а также деятельность учреждений культуры.

Огромные миграционные потоки, хлынувшие в Череповец, изменили социокультурную среду города, когда культурные традиции старого, рубежа 19-20 веков и даже довоенного Череповца, были размыты. Известный писатель А. Яшин, побывав в Череповце во время Первомайских праздников в начале 160-х годов, записал в своем дневнике, характеризуя социокультурную среду города того времени: «После демонстрации, когда оцепление сняли, народ хлынул на площадь. На площади пляски, танцы, все под гармошку. Поют частушки. в доме тоже гармошки, поют. Все как в деревне. В Череповце много поют. Редкий праздник обходится без драк. Все деревенские – и люди, и песни, и пляски, только дома городские. В домах квартиры заселены той же деревней. В новом Череповце быт и нравы, говор деревенские. А старый деревянный, внешне похожий больше на деревню – интеллигентнее, солиднее нового».[1]

Однако полагать, что традиции городской культуры «старого» Череповца были утрачены вовсе, было бы неверно. С одной стороны, коренные жители города, относительно узкий слой высококвалифицированных специалистов-строителей, металлургов, химиков и др., приехавших в Череповец из культурных и интеллектуальных центров страны, сохраняли и развивали традиции собственно городской культуры, уклада городской жизни; представляли собой «порождающую среду» для разнообразных инициатив в развитии культуры города, становились организаторами разнообразных творческих объединений, самостоятельных и профессиональных. Именно эти люди во многом задавали модель поведения для тех, кто попал в маргинальную среду. Кроме того, положительным фактом для развития культуры Череповца явилось его географическое положение, которое

позволило обеспечить город специалистами в различных областях культуры, что сказалось на формировании культурной среды города. С другой стороны, многие мигранты, оказавшись в непривычной для них обстановке, стремились всячески приобщаться к городской культуре, усвоить ее нормы, ценности, образцы поведения, повысить свой образовательный уровень, квалификацию, в целом свой социальный статус – для этого быстро развивающийся город открывал большие возможности. Именно эти люди представляли собой своеобразный «социальный капитал» для формирования в городе собственно городской культуры.

Местные власти Череповца, при хроническом отставании развития материальной базы социально-культурной инфраструктуры города от темпов прироста населения, низкой обеспеченности горожан учреждениями культуры, стремились использовать разнообразные приемлемые формы культурного развития и обслуживания населения. Одной из таких форм было культурное шефство, которое стало широко практиковаться в городе, формальным статусом районного центра благодаря ряду обстоятельств. Прежде всего благодаря географическому положению города, расположенного на важнейших железнодорожных, шоссейных и водных коммуникациях, близко к областному центру – Вологде, в относительной близости к таким культурным центрам, как Москва и Ленинград. Кроме того, важность промышленных объектов, строившихся в Череповецком промышленном узле в исследуемый период, многие из которых имели общесоюзное народнохозяйственное значение, - также позволяла использовать эту форму культурного обслуживания горожан. В качестве шефов выступали профессиональные творческие коллективы: театральные, филармонические, которые предпринимали гастрольные поездки в город; музеи изобразительного искусства столичных городов; творческие союзы писателей, художников; профессиональные киностудии; редакции литературных журналов, издательства и т.п. Значение культурного шефства, как формы культурного обслуживания, позволяющего приобщать горожан к профессиональному искусству, в какой-то мере поэтизировать, облагораживать тяжелые трудовые будни строителей важнейших народнохозяйственных объектов в городе металлургов и химиков в исследуемый период усиливалось и расширялось. Это объяснялось и высокими темпами роста численности населения города, и общесоюзной значимостью строек Череповецкого промышленного узла, а также ростом культурного уровня, культурных запросов горожан, когда по мере завершения формирования градообразующей основы Череповца, постепенно стабилизировался состав городского населения, значение миграции, как главного источника формирования состава населения города сокращалось, увеличилось значение естественного воспроизводства населения Череповца, и, как следствие, все большее число горожан усваивало образцы поведения, нормы и ценности городской культуры, испытывало интерес к профессиональному искусству. Кроме того, в городе появились новые сценические площадки, выставочные помещения, которые позволяли организовать встречи не только с мастерами искусства Вологды, но и столичных городов, областных центров. Для гастролей, артистов, творческих коллективов представляли свои сценические площадки клубы, дворцы культуры Череповца, СКЗ «Алмаз».

В 1970-е годы, например, культурное шефство над городом осуществлял Вологодский драматический театр. На сцене ДКС и дворца культуры и техники металлургов Вологодский драмтеатр ежемесячно показывал по 8-9 спектаклей. В течение, например, 1973 года Вологодским драмтеатром было показано 12 наименований спектаклей, постановки вологжан в Череповце в этом году посетило примерно 35 тыс. зрителей. [2]

Большое культурно-просветительское значение имела, ставшая довольно частой в 1970-е годы, практика заключения договоров о сотрудничестве коллективов предприятий города с филармоническими организациями, театральными коллективами, проведения на предприятиях Череповца Дней театра, встреч с актерами. [3] Наиболее активно такая работа осуществлялась на сталепрокатном заводе. В 1970-е годы коллектив завода подписал договоры о сотрудничестве с Вологодским драмтеатром, Ленинградской филармонией, Московским академическим театром им. Е.Вахтангова. В соответствии с этими договорами артисты выступали с циклами музыкальных лекций в общежитиях и цехах завода, в подшефных школах сталепрокатчиков. Прямо в цехах, красных уголках во время обеденного перерыва или сразу после окончания рабочей смены проводились творческие встречи артистов и музыкантов с рабочими, давались концерты. Например, в 1973 году в цехах сталепрокатного завода прошли творческие встречи трудящихся завода с артистами Ленинградской филармонии Я. Гуриным, заслуженной артисткой РСФСР и Чечено-Ингушетии Н. Татьянченко. Артисты выступали с программой «Советская песня. Лекция-концерт». На встречах присутствовало 1800 сталепрокатчиков. В этом же году с трудящимися завода встретились артисты Московского академического театра им. Е.Вахтангова, артисты познакомили сталепрокатчиков с репертуаром театра, показали сцены из спектаклей. В 1973 году в цехах сталепрокатного завода было проведено более 40 лекций-конcertов и культпоходов в театр, в которых приняли участие около 4,5 тыс. заводчан. [4]

В этом же году со сценической площадки спортивно-концертного зала «Алмаз» с шефским концертом для череповчан выступил оркестр Олега Лундстрема. [5]

Большое значение для воспитания зрителя, способного воспринимать профессиональное искусство, имели так называемые культпоходы трудящихся, дошкольников, учащихся в театр, на концерт, в кино. Эта форма организации досуга как нельзя лучше соответствовала ценностям коллективного образа жизни. На предприятиях организаторами культпоходов выступали комитеты комсомола, чаще – профсоюзные комитеты, которые централизованно приобретали билеты для работников предприятий, например, на театральные представления, часто оплачивая их стоимость. Культпоходы детей организовали воспитатели детских дошкольных учреждений, учителя, родительские комитеты. Профсоюзные комитеты предприятий нередко оплачивали билеты для детей своих работников, для учащихся подшефных школ, детских дошкольных учреждений. Например, в январе 1974 года 928 детей сталепрокатчиков побывали на каникулах на спектакле Вологодского драмтеатра «Аленький цветочек», билеты для детей были приобретены и оплачены заводским комитетом профсоюза. [6]

Однако обращает на себя внимание тот факт, что посещаемость спектаклей, концертов часто была невысокой. Например, в октябре 1981 года на заседании постоянной комиссии по культуре Череповецкого горисполкома директор ДКС А.И. Меклер отмечал: «Настораживает плохая посещаемость театральные постановок и филармонических коллективов. Спектакли театра, Оренбургской оперетты и драмтеатра из г. Советска заполнялись на 1/3 зала». [7] В.П. Игнатъев – директор студии телевидения, на сессии депутатов горсовета в сентябре 1985 года говорил: «... в нынешнем году у нас гастролировали хорошие театральные коллективы: Костромской драмтеатр, Горковский театр драмы, Алтайский театр оперетты, драмтеатр города Советска. И вы знаете, встречаясь с руководителями этих коллективов, крайне неприятно было слышать, что череповчане плохо идут на спектакли. Ладно бы коллективы были слабые, а нет – оценки специалистов высокие, а зритель не идет». [8] Одна из причин –

неудовлетворительная организация рекламы. На сессии горсовета в декабре 1986 г. отмечалось: «Страдает в нашем городе реклама проводимых мероприятий в учреждениях культуры, филармонии... а результат – полупустые залы даже на всемирно известные коллективы, такие как мужской хор под руководством Эрнэ Сакса». [9]

Невысокая посещаемость профессиональных театральных, филармонических коллективов являлась, кроме того, следствием неподготовленности, неспособности части горожан к восприятию профессионального искусства.

Тесные дружеские связи восстановились в начале 1980-х годов между строителями домны №5 на ЧМК и редакцией журнала «Наш современник», издательством «Советский писатель», Московской писательской организацией, которые в порядке шефства над строителями важнейшего народнохозяйственного объекта страны подписали договор о сотрудничестве. В соответствии с договором парткомом и профсоюзным комитетом ВО «ЧМХС» учреждалась ежегодная премия «Северянка», которая, как предполагалось, должна была вручаться авторам лучших произведений о рабочем классе. Учреждение премии повысило интерес журналистов, писателей, издательств к трудовым будням строителей. Литераторы, журналисты стали часто бывать на объектах домны, встречаться с рабочими, руководителями стройки, искать и находить здесь героев своих произведений. Первым лауреатом литературной премии «Северянка» стал известный в те годы писатель Николай Воронов – автор многих рассказов, повестей, романов о рабочем классе. Его наиболее известный и читаемый в исследуемый период роман «Юность в Железнодорожье», впервые был опубликован в 1968 году в журнале «Новый мир». Еще в 1955 году Н.Воронов побывал в командировке в Череповце от редакции журнала «Знамя», присутствовал на пуске первой доменной печи, где и встретил многих героев своих произведений. [10]

Внимание профессиональных писателей, журналистов, издательств к происходившему на строительных площадках промышленных объектов Череповца поднимало значение этих строек для страны в глазах прежде всего самих строителей, горожан, многие из которых в героях очерков, репортажей, повестей и т.п., рождавшихся здесь, узнавали самих себя, своих товарищей по работе, знакомых. Это порождало чувство ответственности за выполняемый труд, гордость за профессию, укрепляло престиж человека труда, вызывало интерес к чтению, литературе, повышало общую культуру строителей. Кроме того, герои публикуемых в те годы художественных произведений, писавших на основе метода социалистического реализма, задавали для читателей модель поведения, тем самым способствовали их нравственному росту.

Использование разнообразных форм культурного шефства со стороны профессиональных творческих коллективов, организаций, сотрудничество с ними позволяло отчасти компенсировать отставание развития материальной базы социокультурной инфраструктуры Череповца от темпов прироста населения города; позволяло знакомить горожан с профессиональным искусством, приобщать к нему, воспитывая художественный вкус, повышать культурный уровень и запросы горожан.

Примечания:

1. Яшин А. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т.3. Статьи, очерки, дневники, письма. – М., 1986. – С. 266-267.
2. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11) 1. Д. (782) 199. Л. 31.

3. Там же. Д. (782) 199. Л. 35.
4. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 336. Л. 155,156.
5. Там же.
6. ЧЦХД. Ф. 7. ОП. 11. Д. 336. Л. 157.
7. Там же. Оп. (11) 1. Д. (782) 199. Л. 31; Оп. 11. Д. 853. Л.113.
8. Там же. Оп. (11) 1. Д. (1142) 298. Л. 21.
9. Там же. Д. (1205) 316. Л. 27.
10. ЧЦХД. Ф. 363. Оп. 2. Д. 97. Коммунист. 1984. №117.

А.Е. Новиков,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории культуры
факультета общих гуманитарных
и социально-экономических дисциплин ЧГУ

**О первой (Череповецкой) постановке повести-сказки
В.М.Шукшина «До третьих петухов»:
к 80-летию со дня рождения выдающегося
русского писателя, актера и режиссера**

В июле 2009 года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося русского актера, режиссера и писателя Василия Макаровича Шукшина (1929-1974) – одного из ярчайших представителей русской культуры.

В.М. Шукшин был родом с Алтая, жил и работал в Москве, но и с Вологодчиной у него были тесные связи. Здесь весной и летом 1973 г. «в старинном русском городе Белозерске» [1] снимал он свой знаменитый фильм «Калина Красная», принесший Шукшину всесоюзную славу. Здесь, в Вологде, жил друг Василия Макаровича - известный наш писатель В.И.Белов. Здесь, на Вологодской земле, – в промышленном Череповце – впервые в стране режиссером народного театра Дворца культуры металлургов Равиком Михайловичем Смирновым была поставлена повесть-сказка В.М.Шукшина «До третьих петухов». Правда, случилось это уже после скоростной смерти писателя (Шукшин умер в ночь на 2-е октября 1974г.) – в декабре 1975 года...

«До третьих петухов» (первоначальное название – «Ванька, смотри!») – одно из последних произведений Василия Макаровича. Он работал над ним в 1974 году во время съемок фильма «Они сражались за Родину». Напечатана повесть-сказка была уже после смерти автора в журнале «Наш современник» (№1 за 1975г.).

Сюжет повести носил необычный характер. В одной библиотеке вечером, после ухода библиотекаря и уборщицы, заспорили персонажи русской классической литературы - Обломов, Бедная Лиза, Онегин, Ленский, Акакий Акакиевич и другие. Они были недовольны присутствием среди них героя русских народных сказок Ивана-дурака и требовали, чтобы он отправился к Мудрецу и принес справку, что он умный, или «убирался <...> в букинистический» [2]. За Ивана пытаются заступиться Илья Муромец и Донской Атаман, но вынуждены уступить большинству. «Иди, Ванька, - тихо сказал Илья. – Ничего не сделаешь. Надо идти. Вишь, какие они все... ученые» [3]. И Иван-дурак отправляется искать Мудреца, чтобы получить справку и успеть до третьих петухов вернуться обратно в библиотеку.

По дороге к Мудрецу Иван попадает сначала к Бабе-Яге, которая предлагает ему построить для нее котэджик, а когда Иван-дурак отказывается это сделать, чуть не жаривает его живьем в печке. Там же Иван встречается с зятем Бабы-Яги Змеем-Горынычем, вступает с ним в спор и, едва оставшись цел, оскорбленный, униженный продолжает путь дальше. Затем он беседует с Медведем, потревоженным чертями и собирающимся в цирк. Наконец, происходит его встреча с чертями, окружившими монастырь, и с помощью чертей (научив их, в свою очередь, как пробраться в монастырь) Иван-дурак попадает к Мудрецу. Ему не удается получить нужную справку, зато он добывает у Мудреца целую печать и возвращается с ней в библиотеку.

В повести-сказке «До третьих петухов» В.М. Шукшин, используя широко распространенный в русской литературе прием стилизации, позволяющий перенести известных фольклорных и литературных героев в новые исторические условия, создает остро сатирическое произведение, обобщение в котором, по словам Л.Ф.Ершова, «вырастает до высокого символа в духе щедринской традиции» [4]. В то же время в шукшинском произведении сатирическое высмеивание пороков социальной действительности (мещанства, лжеучености, бюрократизма) соединяется с горьким осмыслением её драматических, трагических коллизий, связанных с судьбой русского народа, его духовных традиций.

Центральное место в этом осмыслении принадлежит, конечно же, образу Ивана-дурака, роль которого, по замечанию В.И. Белова, В.М. Шукшин «создавал <...> для себя» [5] и которая, несомненно, несла в себе и определенные автобиографические черты. Ведь в свое время, как отмечает В.Г. Распутин, «никто ему (В.М. Шукшину – А.Н.), как Ивану-дураку из сказки «До третьих петухов», не давал справки на деятельностное существование» [6]. «...его не должно было быть, как, впрочем, не должно было быть всей почвеннической литературы <...>, - подчеркивает выдающийся русский писатель современности – не должно, но явился, обманув сапогами и простецким видом, за которым обнаружился вскоре такой талант, что нельзя его было понимать иначе как не личное приобретение, а дар народный, безошибочный вклад в избранника, способного распорядиться им как надо» [7]. «Дар этот, - отмечает Валентин Григорьевич далее, - и дал возможность Шукшину ощутить, как свою собственную, больную душу народа, выпавшую из вековечного гнезда и в страдании ищущую торопливо, как в него, в это гнездо, вернуться» [8].

Собственно, именно с такими исканиями основ национального бытия (а не только с поиском остропроблемного постановочного материала) и было связано, на наш взгляд, обращение молодого режиссера Равика Михайловича Смирнова и народного театра Дворца культуры металлургов г. Череповца к постановке шукшинской сказки. Однако для самодеятельного любительского театра такое обращение само по себе представляло уже достаточно смелый и рискованный шаг.

«Анализируя, я ловлю себя на мысли, – вспоминал впоследствии Р.М. Смирнов, - что сейчас, пожалуй, ни за что бы не взялся за «Третьих петухов». Даже если бы убеждали: «Современная вещь!» у меня теперь холодный пот выступает при мысли об этом» [9].

Немаловажную роль в этой ситуации сыграло то обстоятельство, что режиссера в его начинании поддержал коллектив театра, проявив самоотверженность и энтузиазм при работе над спектаклем.

«... тогда по ряду причин у меня был новый состав театра, кроме трех человек, - рассказывает Равик Михайлович, - я набрал мальчишек и девчонок – старшеклассников и на основе этой студии начал ставить Шукшина. Ребята работали так страстно, с таким огнем воодушевления, с такой безоглядностью – что я и не успел испугаться. Серьезный литературный материал задал им глубокую работу, заставлял думать, тревожиться, не быть равнодушным» [10]. Об энтузиазме, с которым создавался спектакль, писал в своем отзыве о нем и писатель В.И. Белов. «Рабочие, студенты, школьники, отрывая время от физического отдыха, - отмечал он, - по вечерам спешили в свою студию при Дворце металлургов, репетировали, читали произведение Шукшина, на ходу осваивали сценические приемы» [11]. Результатом этих усилий, по словам профессора ЛГУ Л.Ф. Ершова, стало «смелое и острое представление – первая в

нашей стране попытка сценического воплощения мудрой и горькой сказки Шукшина» [12].

В целом народному театру череповецких металлургов удалось создать сложный, многоплановый зрелищный спектакль. В работе над ним коллектив сумел обрести свое самобытное творческое лицо, отказавшись от копирования манеры профессионального театра, что в определенной степени было свойственно некоторым предыдущим его постановкам (например, по пьесе А. Вампилова «Старший сын» [13]). Спектакль продемонстрировал и гражданскую смелость театра, не побоявшегося взяться за постановку остросатирического произведения, направленного, по существу, как против отдельных пороков и язв советского общества периода застоя, так и против идеологического диктата всей тоталитарной системы в целом. Сдавать шукшинскую сказку пришлось не один раз, в острых дискуссионных схватках с горкомовскими и обкомовскими идеологами отстаивая свою позицию.

По форме спектакль «До третьих петухов» напоминал площадное действо, проникнутое подлинно народным духом с его широчайшим диапазоном проявления человеческих чувств: от смеха и безудержного веселья до горестного плача и скорбно-заунывного пения, от широкой разгульной русской плясовой до чистых мелодичных звуков рожка, от многоголосия толпы до проникновенных монологов-раздумий и диалогов героев – словом, это была яркая сценическая картина народной жизни во всей ее пестроте, разнообразии и в то же время в единстве и цельности, увы, разрушаемая вторжением совершенно чуждых ей элементов...

Удачным оказалось и образно-сценическое решение постановки: в центре сцены находилась многоступенчатая конструкция, по ходу действия превращавшаяся из библиотеки и избышку Бабы-Яги, затем – в монастырь и, наконец, в пьедестал для Мудреца, воплощавшего и квинтэссенцию лженауки, и безликую мощь бюрократической машины. Маленькие колонны-подставки для литературных героев вдруг выросли в огромные колонны – символ государственной мощи, подавляющей любые живые проявления человеческой личности.

Органично сливалось с сюжетом и характерами и музыкальное сопровождение, которое, по определению того же Л.Ф. Ершова, придавало спектаклю «сочный фольклорно-сказочный характер» [14].

Общие постановочные задачи были неплохо решены и актерским коллективом. Особенно ярко в шукшинской сказке раскрылось дарование Бориса Павловича Ленкова, исполнителя одной из главных ролей. «В центре спектакля образ Ивана-дурака в талантливом исполнении Бориса Ленкова, - писал профессор ЛГУ Леонид Федорович Ершов. – Удивительно точно актер ведет свою роль. Сколько непритязательности, простодушия и в то же время ума и воли скрыто в этой недюжинной натуре: мягкость и пластичность исполнителя нисколько не умаляют той нравственной мощи, которая угадывается в характере Ивана...» [15] «Ровной, почти профессиональной» [16] назвал игру Б. Ленкова В.И. Белов. «Успеху спектакля во многом способствовал исполнитель главной роли Б. Ленков, - писала в своей рецензии на спектакль и Н. Разживина. – Это, безусловно, одаренный актер. Он очень искренен, выразителен, обладает неплохой актерской техникой, и, кроме того, у него есть качество, поистине драгоценное для актера – обаяние» [17].

Исполнительскими удачами спектакля можно считать также и работы Людмилы Киселевой (Баба Яга, тетя Маша), Виктора Найдёнова (Донской Атаман), Николая Ергина (Изящный черт, Канцелярский), Виктора Рябина (Мудрец), Сергея Васильева (Черт-маэстро, Ленский), Ирины Смирновой (Бедная

Лиза, Царевна Несмеяна)... Да и все участники постановки, от ведущих актеров до новичков, влившихся в коллектив за месяц-два до премьеры, внесли свою посильную лепту в успех театра.

Спектакль по повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» принес народному театру Р.М. Смирнова лавры победителей Первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся, симпатии череповецких и иногородних зрителей (помимо Череповца, спектакль был показан в Вологде, Белозерске, Ленинграде и Свердловске), благосклонные отзывы критиков и признание в театральном мире. Спектакль можно считать ключевым в становлении театра и Р.М. Смирнова как режиссера-художника. Осуществленные вслед за тем постановки: киноповести В.М. Шукшина «Позови меня в даль светлую...» (1976), сценической композиции по стихам Н.М. Рубцова «Тихая моя родина...» (1977) и еще одной шукшинской повести – «А поутру они проснулись...» (1978) – продолжили творческую линию театра, направленную на поиски своей самобытной формы сценического выражения, которая была намечена в спектакле по сказке «До третьих петухов».

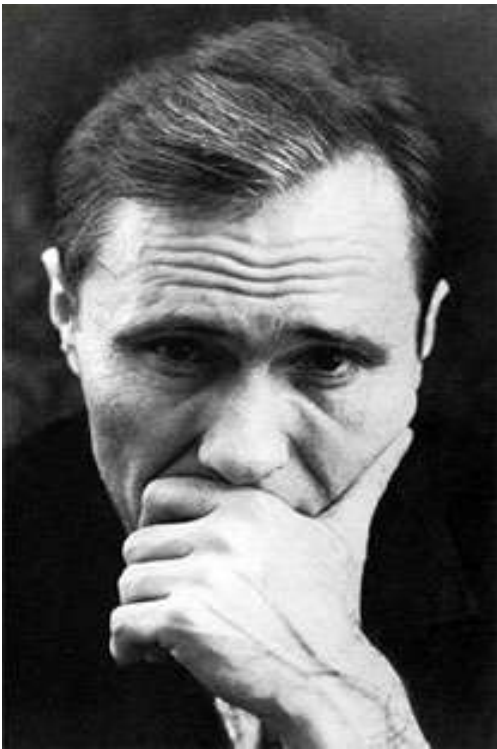
Примечания:

1. Шукшин В.М. Письмо дочери Кате. Цитируется по: Коробов В.И. Василий Шукшин: Вещное слово. – М., 2009. С. 353.
2. Шукшин В.М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. – Екатеринбург, 1992. С. 503.
3. Шукшин В.М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2... С. 504.
4. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). – Л., 1977. С. 274.
5. Белов В.И. «До третьих петухов»: О спектакле Череповецкого народного театра по сказке В. Шукшина // Красный Север, 6 января 1976 г.
6. Распутин В.Г. Даёшь сердце! // Литературная газета, № 30 (6234), 22-28 июля 2009 г. С. 1.
7. Распутин В.Г. Даёшь сердце! // Литературная газета, № 30 (6234), 22-28 июля 2009 г. С. 1.
8. Распутин В.Г. Даёшь сердце! // Литературная газета, № 30 (6234), 22-28 июля 2009 г. С. 1.
9. Минина Р.С. Театр в рабочем городе. Диалог с режиссером народного театра дворца культуры металлургов Р.М. Смирновым // Коммунист, № 61 (14774), 26 марта 1978 г.
10. Минина Р.С. Театр в рабочем городе... // Коммунист, № 61 (14774), 26 марта 1978 г.
11. Белов В.И. «До третьих петухов»... // Красный Север, 6 января 1976 г.
12. Ершов Л.Ф. «До третьих петухов»: Этот спектакль показал в Ленинграде народный театр из Череповца // Вечерний Ленинград, 10 апреля 1976 г. С. 3.
13. См.: Каменев В. Премьера – только начало: Две пьесы А. Вампилова в народных театрах // Красный Север, 17 марта 1974 г.
14. Ершов Л.Ф. «До третьих петухов»... // Вечерний Ленинград, 10 апреля 1976 г. С. 3.
15. Ершов Л.Ф. «До третьих петухов»... // Вечерний Ленинград, 10 апреля 1976 г. С. 3.
16. Белов В.И. «До третьих петухов»... // Красный Север, 6 января 1976 г.
17. Разживина Н. «До третьих петухов» // Коммунист, январь 1976 г.

О спектакле «До третьих петухов» смотрите также:

Рассохин Н. К зрелости // Красный Север, 6 февраля 1976 г.; Шарынина О. Зритель думал и жил: Гастроли народного театра Череповца в Ленинграде // Вологодский комсомолец, 18 апреля 1976 г., № 47 (4129); Кибардина А. Встреча со сказкой // Красный Север, 18 мая 1976 г.; Чужгин В. На сцене – вологжане // Красный Север, № 84 (17944), 10 апреля 1976 г. С. 4; Стали лауреатами // Коммунист, 20 февраля 1976 г.; Киселева Л. «До третьих петухов»: готовится премьера // Коммунист, 18 октября 1975 г., № 205; Киселева Л. Спасибо, Ленинград! // Коммунист, 24 апреля 1976 г., № 82; Новиков А.Е. Об истории народного театра Р. Смирнова // Соборная горка. Вестник истории и культуры Череповецкого края. Вып. 1. – Череповец: ЧГУ, 2001. С. 111-114.

Фото к докладу

В.М.Шукшин
(25 июля 1929 - 2 октября 1974)

В.М. Шукшин на съемках фильма
«Калина красная»

В.М.Шукшин и В.И.Белов в Белозерске,
во время съемок фильма
«Калина красная»

Народный театр в период постановки спектакля
«До третьих петухов». В центре – Р.М.Смирнов.
Справа – Б.П.Леньков. Слева – В.А.Рябинин.
Фото из журнала «Огонек».

Афиша спектакля
«До третьих петухов».

Программа спектакля

Сцена в библиотеке. На переднем плане (слева направо): Бедная Лиза (И.Смирнова), Пришибленный (В.Гольшев), Обломов (Вл.Гольшев), Канцелярский (Н.Ергин), Донской Атаман (В.Найденов), Иван-дурак (Б.Леньков). Фото Н.И.Викторова

В избушке Бабы-Яги. На переднем плане (слева направо): Дочь Яги (С.Нафикова), Иван-дурак (Б.Леньков), Баба-Яга (Л.Киселева). Фото Н.И.Викторова

В избушке Бабы-Яги. Слева направо: Дочь Яги (С.Нафикова), Иван-дурак (Б.Леньков), Баба-Яга (Л.Киселева). Фото Н.И.Викторова

Черти пробираются в монастырь. Справа – Стражник (Р.М.Смирнов). Фото Н.И.Викторова

Сцена у Царевны Несмеяны (И.Смирнова, вверху слева). В центре – Мудрец (В.Рябинин). Фрагмент репетиции. Фото Н.И.Викторова

Заключительная сцена в библиотеке. «Целую печать принес!» . На переднем плане (слева направо): Онегин (А.Меньшиков), Ленский (С.Васильев), Иван-дурак (Б.Леньков). Фото Н.И.Викторова.

Финал спектакля. Тетя Маша (Л.Киселева): «Может здесь что-то произойдет?... Но это будет уже другая сказка, а этой конец.» Фото Н.И.Викторова

Заключительная сцена в библиотеке. «Шапка какая-то!..». На переднем плане- тетя Маша (Л.Киселева). На заднем плане (в центре)- Илья Муромец (Р.Смирнов). Фото Н.И.Викторова

После окончания генерального прогона спектакля с писателем В.И.Беловым (в центре), другом В.М.Шукшина. Фото Н.И.Викторова.

Еврейская религиозная община в Череповце 1920-х годов.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 года в городе Череповце проживало 6 948 человек. Подавляющее большинство 98,4% (6837) жителей являлось представителями «титულიной» нации. Оставшиеся 1,6% (111) составляли 23 немца, 18 поляков и 48 евреев и, 22 человека отнесены в графу «прочие» [1, с.2-3].

48 евреев – 11 семей, а также несколько человек, живущих отдельно. Что касается вероисповедания, то приверженцами иудаизма считали себя 46 человек. Кем являлись оставшиеся двое, мы не знаем. Возможно, перешли в православие. Свидетельством этому служит, например, принятие православия помощником провизора земской аптеки Яковом Шевелевым Стеркиным, уроженцем города Орши Могилевской области, в православном крещении – Владимира, 2 августа 1915 года в Благовещенской церкви, Стеркин в течение некоторого времени усваивал главные молитвы и Символ веры под руководством священника Благовещенской церкви Василия Рябинина[2].

Род занятий «коренных» евреев различным. Так, мещанин Михаил (Хаим) Соломонович Руда, владевший двухэтажным деревянным домом по улице Дворянской, был зубным врачом. На этой же улице жили два брата и сестра Сегалы. Анатолий Соломонович и Любовь Соломоновна были зубными врачами, а младший, Моисей Соломонович – часовых дел мастером. Была еще семья меховщиков Скегиных, семья Пиль, проживавшая на улице Покровской. Глава семьи - Аарон Анисимович, вел розничную торговлю[3,Л.3].

С началом гражданской войны 1918-1920 г.г. в Череповец начинают приезжать евреи, проживавшие ранее на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших теперь к Польше, из Курляндской и Виленской губерний, превратившихся в новые государства. Собственно – в этом нет ничего удивительного, потому что именно эти места являлись наиболее частыми эпицентрами погромов. Из 33 прибывших в период с 1918 по 1920 год только четверо было из пределов РСФСР: двое (муж и жена) из города Малоярославец Калужской губернии и двое врачей – муж и жена из Белозерска. Правда, последних нельзя рассматривать как беженцев - они просто получили повышение по службе, так как были переведены из уездного города в губернскую больницу.

Среди приезжих были часовщики, граверы, фотограф, сапожники и портные. Был детский врач Фаина Злоткевич, фельдшер и фармацевт Исаак Атнер. Были и торговцы – пять человек.

Если рассуждать с чисто прагматических позиций - город сделал ценное приобретение. Помимо медиков и ремесленников, центр новоявленной губернии, испытывавший кадровый голод на грамотных специалистов, получил девять образованных служащих, которым сразу же нашлось дело в обширной бюрократической системе. Посему, приезжие довольно быстро обустроились на новом месте и «вписались» в повседневную жизнь нашего города.

Появление эмигрантов увеличило количество евреев в городе и привело к созданию их собственной религиозной организации. Первоначально она существовала нелегально. Однако, в самом скором времени это не укрылось от взора властей. И, в марте 1923 года из Череповецкого губернского отдела юстиции на имя начальника милиции последовало распоряжение: «До сведения губюста дошло, что в городе Череповце существует еврейская молельня, не принятая в свое пользование и заведование подлежащие религиозной общиной, как требуется декретом от 23.01.1918 г. Об отделении церкви от государства. Посему губюст просит губмилицию

провести надлежащее расследование, а если такие еврейские молельни действительно существуют, то временно закрыть, впредь до принятия религиозной общиной порядком, установленном Наркомюстом путем заключения общиной верующих надлежащего договора с представителями Советской власти» [3, Л.6].

Если перевести этот документ на более доступный язык, то еврейской религиозной общине следовало провести следующие действия. Во-первых, провести собрание общины и избрать «церковную двадцатку» - т.е. руководство общины, где будет председатель, и казначей. Во-вторых, заключить договор с губернским исполнительным комитетом. Для заключения договора следовало иметь собственный устав и список учредителей. В-третьих, религиозной общине следовало составить проект будущей синагоги, согласовать его с властями, найти место под строительство и отстроить здание.

Нужно сказать, что никаких репрессий по отношению к верующим не последовало. Во-первых, это были еще относительно «либеральные» годы. Во-вторых, Советская власть на тот момент активно поддерживала различные религиозные объединения. Разумеется, не из уважения к Конституции, где была прописана «свобода совести». На самом деле, поддержка производилась для того, что бы внести раскол в ряды своего идеологического противника – Русской Православной Церкви.

После соответствующего уведомления, сделанного местным участковым, было проведено общее собрание членов еврейской религиозной общины, на котором было избрано руководство. Председателем исполнительного комитета был избран Михаил Маркович Боханек, часовщик. Членами – Соломон Моисеевич Скегин, меховщик и Михаил Соломонович Пятов, служащий [3, Л.7].

27 июня 1923 года в Череповецком губернском отделе управления был зарегистрирован Устав Череповецкой еврейской общины. Главной задачей общины было указано «Объединение граждан города Череповца и его окрестностей, отправление обрядности еврейского религиозного культа, духовные беседы, еврейское образование и благотворительная деятельность. ... Членом религиозной общины может быть каждый гражданин, принадлежащий к данному культу» [3,Л.6].

К Уставу был приложен список членов религиозной общины, состоящей из 77 взрослых членов. Сложностей с помещением не было. Вдова череповецкого купца, Бася Рафаиловна Златкович, передала в распоряжение общины участок земли на углу улиц Социалистическая и Карла Либкнехта, где находилась принадлежавшая ее баня.

5 сентября 1924 года здание Синагоги было осмотрено комиссией, состоящей из представителя губернского отдела местного хозяйства Г.П.Тихомирова и техника Д.И. Кадобного, которые «Осмотрев строение, находящееся в 31 квартале по месту №6 по улице Карла Либкнехта нашли: Дом деревянный, одноэтажный на каменных столбах, под деревянной крышей, размером по улице - 12. 00 метров, в глубину участка 8.53 метров, высотой 4,26 м, с тесовой пристройкой под сени размером 1.50 х 3 м. Окончательно не достроена – нет печей» [3, Л.2].

Печи, в конце - концов, были сложены и моления начались. Правда, нормальной религиозной жизни мешали бюрократические препоны. Например, каждые два года следовало продлевать договор, предоставляя властям список членов религиозной общины и, быть постоянно готовым к тому, что в молельню в любой момент могут придти представители власти. Периодически составлялась опись имущества, находившегося в синагоге. Например, в молельне на улице Карла Либкнехта находилось имущество:

1. Бикма (стол деревянный под орех с 2-мя тумбами);
2. Орикедеш, киоск – типа шкаф (деревянный, под орех) – 2;
3. Престол деревянный;
4. Диван деревянный с локотниками -2;
5. Скамейка деревянная -1;

6. Стол деревянный простой;
- 7-8. Люстра электрическая
- 9-10. Патронов висячих -1, стенных -2;
11. Стенные часы;
12. Покров на «Бикме» плюшевый;
13. Покров на престол;
14. Завеса к «орикейдешь» белого бархата;
15. Свиток законов пергамент, Пятикнижие;
16. То же» [3, Л. 34].

В 1930-1931 гг. началось новое наступление на религию. И, теперь уже закрывались все храмы, независимо от их принадлежности. При этом, верующим «ненавязчиво» объясняли, что они должны «добровольно» передать свои здания государству.

Протокол общего собрания религиозной общины города Череповца от 11 марта 1931 года, подписанный председательствующим М. Боханеком и секретарем Зельцманом, свидетельствует о том, присутствовало только 11 человек. На повестке дня стоял вопрос – о передаче здания в пользу городского совета. Собрание постановило единогласно – передать молельню в пользу городского совета, с объявлением об этом в газете «Коммунист» [3, Л.56].

Совет рабочих и крестьянских депутатов Ленинградской области, в которую входил в 1927-1937 годах Череповец, с удовольствием констатировал: «Принимая во внимание, что на пользование еврейской молельни желающих не нашлось, считать молельню ликвидированной под общее пользование народа» [3, Л.58].

В молельне было устроено общежитие для студентов заочного речного техникума, которое просуществовало до 1950-х годов.

Источники и литература:

1. Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2. 1903
2. Новгородские епархиальные ведомости. 1915. - №№32-33
3. ЧЦХД. Ф.7 Оп.4 Д.1

Крестьянские кустарные промыслы Череповецкого уезда в начале XX века

До возникновения фабрично-заводской промышленности в Череповецком крае было значительно развито мелкое кустарное производство, которое имеет многовековую историю своего развития.

Изучением кустарных промыслов Череповецкого уезда занимались уже в XIX веке. Так, известен труд И.В.Фёдорова «Описание кустарных промыслов Новгородской губернии», опубликованный в Новгороде около 1910 года. В 1950-е годы темы касались Т.И.Осьминский, в работе «Череповецкий уезд в эпоху капитализма», и П.Л.Смирнов, сотрудник Череповецкого краеведческого музея, написавший неопубликованный труд «Развитие промышленности Череповецкого края». С двумя последними исследованиями можно ознакомиться в архиве ЧерМО.

Наша работа основывается, прежде всего, на этих материалах. Целью её выступает освещение спектра кустарных промыслов в Череповецком уезде в начале XX века и их краткая характеристика, а также выявление наиболее важных промыслов, наиболее распространённых в нашем крае в исследуемый промежуток времени.

Уже с эпохи Киевской Руси в Череповецком крае, кроме охоты и рыболовства, были известны и другие промыслы, прежде всего, металлургия и судостроение. В период становления и развития централизованного Русского государства уломский гвоздь значился в числе предметов нашего экспорта. Кузнечный промысел и судостроение развивались в Череповецком крае и после учреждения города Череповца. В середине XIX века в Уломской и соседних волостях только гвоздей выковывалось ручным способом до 500 тыс. пудов в год. [1] Уломский гвоздь реализовывался в Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Киев, Харьков.

Сравнительно широко были развиты кустарные промыслы в 1900-е годы. По данным П.Л.Смирнова, к 1910 году по Новгородской губернии насчитывалось свыше 38 тыс. кустарей и имелось до 80 различных промыслов. [2] Причём из 11 уездов Новгородской губернии Череповецкий уезд по развитию кустарных промыслов занимал первое место. На втором месте находился Кирилловский уезд, на третьем – Белозерский. Ряд промыслов был развит только в Череповецком крае.

Сейчас мы попытаемся представить спектр главных промыслов нашего края к началу XX века. И.В.Фёдоров упоминает о развитии в череповецком уезде 16-ти различных промыслов, П.Л.Смирнов доводит это число до 21. Какие же промыслы были развиты в Череповецком уезде исследуемого времени, какие из них были уникальны, наиболее интересны? Мы остановимся на следующих кустарных промыслах: кузнечном, сапожном, судостроении, а также гончарном, деревообрабатывающих промыслах и некоторых других.

Кузнечный промысел являлся одним из основных кустарных промыслов Череповецкого края и одним из первых по своему возникновению. Истоки уломского железодельного производства идут ещё в железный век Севера (I тыс. до н.э.). Малая плодородность земли (пески) Уломы, т.е. Уломской и Дмитриевской волостей, и наличие рудных богатств в них (болотные руды)

повлияли на развитие кустарного промысла, и Улома получила название «Улома Железная».

Влияние Уломы распространялось далеко за её пределы. Хотя в значительно меньшей степени, но кузнечный промысел был развит в Ольховской, Луковецкой, Богословской, Нелазской и некоторых других волостях. По сведениям Новгородской губернской земской управы, кузнечным промыслом в Уломе занимались в 1910 году в 64 сёлах 1777 человек [3] – почти всё взрослое мужское население и многие подростки. Так, в деревне Кондаш кузнечным промыслом занимались 122 человека, Совала – 52 человека, Акиньюхово – 60 чел., Песье – 58 чел, Шеино – 56 чел. Вырабатывали, в основном, строительный гвоздь, а также некоторые другие изделия: подковы, шпонку, ухваты, якоря, крюки и т.п.

В кузнице обычно работали двое: кузнец – владелец кузницы – и подручный-молотобоец. Работали зимой, с октября по апрель месяц. Рабочий сезон, с учётом потери времени на поездки за железом и с гвоздями, составлял около 140 дней. Продолжительность рабочего дня обычно доходила до 15 часов. Работу начинали рано – в 2-3 часа и работали до 6-7 часов вечера с перерывом для еды и отдыха. Два человека – кузнец и молотобоец – на одном стуле расковывали до двух пудов железа за день, а за сезон до 280 пудов.

Железо для расковки кузнецы брали у местных купцов – «расковщиков». В Уломе их насчитывалось свыше двух десятков (Андрянов – деревня Коротово, Башмаков – Стёпаново, Тетюевы – деревня Гавино и др.). Мелкие расковщики за сезон раздавали кузнецам для расковки 5-6 тыс. пудов железа, крупные – до 40 тыс. пудов. В каждой деревне работали на нескольких расковщиков, каждый из них имел постоянно работающих кузнецов. До 1905 года между расковщиками существовало соглашение (заключено в 1897 г.), по которому кузнец, задолжавший одному расковщику, не мог получить работы у другого.

Кузнец должен был сам, за свой счёт, ездить за железом иногда за 30 км. Уголь брал также за свой счёт. Поставщиками угля были крестьяне деревни Успенская Слобода Луковецкой волости.

Расковщик за работу кузнецам платил с пуда готовых изделий от 70 копеек до 1 рубля 60 копеек, в зависимости от размера гвоздей. Из этой суммы кузнец оплачивал за уголь, с него удерживалось за угар железа, и из этой суммы кузнец выплачивал своему подручному-молотобойцу его заработок. За минусом всего этого, самому кузнецу оставалось 60-70 рублей, т.е. 40-50 копеек в день.

В 1905 году положение кузнецов несколько улучшилось. Кузнецы предъявили требование расковщикам, и 27 ноября было заключено между ними новое соглашение. В 1911 году возникла Уломская артель кузнецов. [4] Она сама стала добывать железо, уголь для своих членов; она же организовала сбыт гвоздей через потребкооперацию. это должно было избавить кузнецов от скупщиков.

Второе место после кузнечного занимал сапожный промысел. Он был сильно распространён в пригородных волостях – Богословской, Дементьевской, Нелазской, Шухободской и Шухтовской. В 1910 году им занимались в 324 сёлах 2 760 человек. [5]

Шили кожаные сапоги, полусапожки, ботинки и другую мелкую обувь. Кожи выделывались на местных кожевенных заводах. Обувь развозилась по ярмаркам в своём и соседних уездах и дальше – в Санкт-Петербург и Ригу. В среднем в год изготовлялось до 20 тыс. пар сапог, по цене 1 рубль 70 копеек за пару, т.е. на сумму 34 тыс. рублей. За вычетом стоимости кожи чистого дохода получалось 7 тыс. рублей. На этом деле богатели скупщики, которые доставали кожу и сбывали товар на дальних рынках.

В годы русско-японской войны местные торговцы (скупщики) получили заказ от интендантства на сапоги для армии. С этих пор установилась связь с интендантством. Сапоги шили на дому кустари-крестьяне. Подрядчик раздавал им материал, казённую колодку и платил сдельно за пару. В 1907 году купец Черняев получил заказ на 20 тыс. пар сапог для армии из казённого материала с платой по два рубля за пару. А он платил кустарям 1 рубль, 1 рубль оставлял себе.

В 1911 году, по инициативе земства, возникла первая в уезде сапожная артель – Борисовская (Богословская волость). [6] В 1912 году она получила от одного гвардейского полка заказы на 200, затем на 1 500 пар сапог, и выполнила его успешно. Была забракована лишь одна пара. В 1913 году поступил новый военный заказ на 1000 пар.

В связи с Первой мировой войной вырос спрос на солдатскую обувь. Организовались ещё две артели – Богословская и Дементьевская. Кроме того, во всех указанных волостях налажился сбыт сапог кустарей через кредитные товарищества. Они же выдавали кредит сапожникам на приобретение кожи.

Судостроением в Череповецком уезде занимались с давнего времени по рекам Мологе, Шексне, Андоге, Шулме. Промысел был развит во всей Андогской волости, затем в значительном размере в Федото-Раменской и менее – в Шухтовской, Нелазской и других волостях. К 1910 году в Череповецком уезде судостроением занимались 1366 человек в 77 сёлах. [7]

Строили суда как по месту жительства, так и уходя на работу в районы судостроения, по одним показаниям, с 1 октября до вскрытия рек, а по другим – весь год, за исключением только времени пахоты и покоса. Строили полулодки, барки, мариинки и баржи небольших размеров. Барки предназначались для погрузки тёса, строились размерами 23 саж. длины, 4,5 саж. ширины, 1 саж. глубины. Полулодки использовались для погрузки хлеба, и их размеры почти не отличались от размеров барок.

Суда строились по заказу череповецких и иных судовладельцев (Милютиных, Тарасовых), которые заключали нотариальные договоры на постройку с особыми подрядчиками – судостроителями из местных крестьян. Подрядчик брал за постройку барки 350 рублей, а за постройку полулодки 1500-1800 рублей, из материала заказчика. Каждый подрядчик брал для постройки одной барки три, а полулодки 10-14 плотников-судостроителей и, кроме того, нанимал возчиков, пильщиков и конопатчиков.

Плотники обязывались заготавливать брёвна и копани в лесу, а в иных случаях и сплавлять судно после изготовления к условленному месту. Заработная плата определялась сдельно, посезонно и подённо. В Федото-Раменской волости указана плата за сезон хорошему плотнику-судостроителю 80 рублей, а среднему 40-60 рублей, на своём хлебе. Заработок подрядчика составлял 280-420 рублей от судна. Расчёт производился постепенно, во время работы, а окончательный – при сдаче судна.

В архиве ЧерМО хранится интересный документ 1874 года – «Условие о подряде на постройку двух судов», которым крестьянин Белозерского уезда Василий Петров обязуется построить «череповской 2 гильдии купечкой жене» Анне Ивановне Тарасовой два судна конструкцией унжаки и получить с неё 550 рублей.

Гончарный промысел был наиболее развит к началу XX века в 1-й Петриневской (ёрговская керамика) и в Усищевской волостях. Здесь им занимались соответственно 151 человек в 11 сёлах и 44 человека в 2 сёлах. [8] Развитие промысла объясняется наличием подходящей для производства глины на надельных крестьянских землях, которую в Усищевской волости брали с берегов реки Мяксы.

Вырабатывали из глины горшки печные, пивные и цветочные, кринки, латки, тазы и пр. Работали, кроме исключительных случаев, без помощи наёмных работников, в жилых избах, где в русских печах производился и обжиг. Техника производства была самой простой; горшки вырабатывались на обыкновенных «кружалах» (гончарных кругах).

Рабочий сезон начинался осенью и кончался зимой, с тем расчётом, чтобы успеть развезти и распродать изделия по зимнему пути. Производительность труда определялась 5-7 возами разных изделий на одного человека, до 15 возов на один двор и до 5000 штук разных изделий. Цены указывались следующие: от 1 до 40 копеек за штуку и от 3 до 10 рублей за воз. Средний сезонный заработок на один двор составлял около 40 рублей.

Продавали изделия непосредственно потребителям-крестьянам, развозя их по сёлам, деревням, ярмаркам, и в Череповце. Ёрговские горшечники обеспечивали посудой не только близлежащую округу, но и вывозили её за пределы Новгородской губернии. Так, исследователь народной игрушки Н.М.Церетели в своей книге упоминает о череповецкой глиняной посуде и игрушках, которые доставлялись в Петербург водным путём на барках. В большом количестве её продавали прямо на набережных. [9] Традиции гончарства Ёрги продолжают современные мастера.

Деревообрабатывающие промыслы также издревле были распространены в Череповецком крае, недаром здесь впоследствии на одном из первых мест в фабрично-заводской промышленности стояли лесопильные заводы. Среди деревообрабатывающих промыслов следует упомянуть столярный, плотницкий, бондарный.

Столярный промысел широкого распространения в Череповецком уезде не имел. Если и были кустари-одиночки, делавшие столы, стулья, рамы и прочие изделия, не только по заказу потребителей на месте, но и для рынков, то, главным образом, вблизи казённого Луковецкого и других лесопильных заводов в Воронинской и других волостях, где они за недорогую цену получали материал для поделок. Выделкой деревянных ящиков с давнего времени занимались крестьяне сёл Давыдово и Воротишино (Колоденской волости).

В центральных волостях уезда (обоих Петриневских и Ягановской) был развит плотницкий промысел. Плотники Романовские, Угрюмовские и Ягановские считались лучшими в уезде. Плотницкое дело процветало также издавна в Андогских сёлах (по рекам Андоге и Шулке).

Бондарный промысел был распространён в 1-й Петриневской волости, где им занимались около 400 человек на месте, а иногда ходили и по уезду для заработков по починке бочек. В меньших размерах бондарным производством занимались в Колоденской волости, а в Усищевской изготавливали ольховые бочонки для масла.

Производились в разных волостях чаны, бочки, ушаты, ведра, кадки, шайки и прочее. В Петриневской волости ведра делали подростки по 4 штуки в день. Из кубика лесу выходило около 100 ведер, которые продавались по 8 копеек за штуку. Взрослый работник мог сделать 2 кадки в день. При изготовлении бочонков для масла средний годовой заработок кустаря определялся в 30-40 рублей. Рынком сбыта для деревянной посуды являлся, прежде всего, Череповец. Бочонки под масло поставляли маслоделам в Вельегонск, Кирилловский уезд, село Андогу и т.д. Корреспондент из села Петрино (1-й Петриневской волости) сообщал, что в их селении в конце XIX века все крестьяне занимались выделкой в большом количестве еловых бочек для упаковки кровельного уломского гвоздя.

С обработкой дерева связаны также такие промыслы, как колёсный, экипажный, производство дровней, саней, телег, самопрялок.

Наконец, нам осталось перечислить другие крестьянские кустарные промыслы, которые были развиты в Череповецком уезде. Такую возможность нам предоставляют исследователи И.В.Фёдоров и П.Л.Смирнов.

У И.В.Фёдорова упоминаются, кроме вышеописанных, также углежжение (промысел, связанный с Уломой), корзиноплетение, шерстованияльный, овчинный, верёвочный промыслы, плетение кружев и косынок. П.Л.Смирнов называет ещё сидку дёгтя, пилоставный, шорный, кирпичный промыслы.

Пилоставный промысел был развит только в Череповецком уезде – в Уломе (деревня Харламовское). Этот промысел отхожий, им занимались в 1910 году свыше 1000 человек. [10] Ходили пилоставы не только по своей Новгородской губернии, но и в другие губернии. Ходили в Сибирь, Польшу, Финляндию и даже за границу – в Норвегию, Швецию и некоторые другие страны. Паспортов пилоставы не брали, и нередко за границей их принимали за шпионов, арестовывали, из-за них велись дипломатические переговоры.

Плетение корзин считалось самым невыгодным занятием («голодный промысел»). Корзины плели ивовые и лучинные (короба, кузова, ягодные). В 1910 году корзины плели в 23 сёлах Череповецкого уезда, 161 человек. [11] В Досифеевской пустыни (на Шексне, Ольховской волости) в 25 дворах 60 человек плели ивовые, бельевые корзины по 300 штук в зиму на один двор и сбывали их по 6 копеек за штуку скупщикам, которые продавали их в Рыбинске и Череповце.

Некоторые промыслы были занесены в Череповецкий уезд из других губерний. Среди них надо назвать косыночный промысел и плетение кружев. Им в 1910 году занимались в 4-х сёлах, 4-х дворах 10 человек. [12] Плетение кружев привилось в небольших размерах в двух волостях – Ковжской и Чаромской. Оно связано с соседством с Вологодской губернией, откуда заносился этот промысел девицами, выходявшими замуж в Череповецкий уезд.

Заканчивая настоящее описание промыслов Череповецкого уезда в начале XX века, сделаем некоторые выводы. Ещё И.В.Фёдоров в своей книге отметил, что «Череповецкий уезд по разнообразию видов распространённых в нём промыслов и по числу рабочих рук, занятых промыслами, занимает первое место между всеми уездами губернии».[13] Это же подтверждает и П.Л.Смирнов.

П.Смирнов указывает, что в Череповецком уезде более массовое распространение кустарных промыслов имело место в Уломской волости (кузнецы), затем в Шухободской (сапожники). По разнообразию видов кустарных промыслов в начале XX века особенно отличилась Ягановская волость, в которой имелось свыше 20 разных промыслов: столярный, колёсный, изготовление дровней, саней, телег, сидка дёгтя, выделка щёток, кож, овчинный, сапожный, шерстованияльный, шорный, кузнечный, слесарный, гончарный, гармонный и некоторые другие.[14]

Т.И.Осьминский замечает, что в эпоху развития капитализма стали возникать заводы, с которыми было трудно конкурировать кустарям. Некоторые промыслы сократились, иные вовсе угасли.

Таково было состояние крестьянских кустарных промыслов в Череповецком крае до Первой мировой войны 1914-18 гг. В военный период, в связи с мобилизацией в армию лучшей рабочей силы, кустарные промыслы резко сократились, а часть из них, как сапожный, переключилась на армию.

К началу 1920-х годов состояние кустарных промыслов края изменилось. Семь лет войны и попытки революционных преобразований разрушили традиционные хозяйственные связи, трансформировали характер производства и сбыта кустарных изделий. Промышленная перепись 1920 года показала, что число кустарей в Череповецком уезде сократилось с 10 540 человек (1910 г.) до 4 625 человек (1920 г.), т.е. в 2,3 раза.[15] В начале 1930-х годов количество

кустарей продолжало сокращаться. Утрата навыков и секретов ремёсел прогрессировала.

Примечания:

1. Новгородский сборник. Выпуск V. Новгород, 1866. С.252.
2. Смирнов П.Л. Развитие промышленности Череповецкого края. 1955 . Рукопись. Архив ЧерМО. Л.5.
3. Там же. Л.22.
4. Осьминский Т.И. Череповецкий уезд в эпоху капитализма. 1950-е гг. Машинопись. Архив ЧерМО. Л.75.
5. Фёдоров И.В. Описание кустарных промыслов Новгородской губернии. Новгород, 1910. С.41.
6. Осьминский Т.И. Указ. соч. Л.77.
7. Фёдоров И.В.. Указ. соч. С.50.
8. Там же. С.61.
9. Лопатенко Н.М., Лопатенко С.А. Гончарство Ёрги // Череповец: Краеведческий альманах. Выпуск I. Вологда, 1996. С.234.
10. Смирнов П.Л. Указ. соч. Л.8.
11. Фёдоров И.В. Указ. соч. С.52.
12. Там же. С. 60.
13. Там же С.62.
14. П.Л.Смирнов П.Л. Указ. соч. Л.29.
15. Вержбицкая Т.А. Кустарные промыслы Череповецкого края в 1920-30-е гг. // Милютинские чтения: материалы научной конференции. Череповец, 1999. С.33.

**Таблица «Кустарные промыслы Череповецкого уезда
в начале XX века»**

№ п/п	Название промысла	Волости, где он был распространён	Количество человек, занятых промыслом	Примечания
1.	Кузнечный	Уломская Дмитриевская Горская Самосорская Ольховская Колоденская Нелазская Луковская Богословская	64 селения, 1777 человек	
2.	Сапожный	Шухтовская Шухободская Дементьевская Богословская Нелазская Дмитриевская Усищевская	324 селения, 2 760 человек	отхожий
3.	Судостроение	Андогская Федото-Раменская Шухтовская Нелазская	77 селений, 1366 человек	
4.	Гончарный	1-я Петриневская Усищевская	14 селений, 167 человек	
5.	Бондарный	1-я Петриневская Колоденская Усищевская Чаромская Ольховская Нелазская	400 человек	отхожий
6.	Выделка колёс	Ягановская Усищевская 1-я Петриневская Шухтовская	35 селений, 138 человек	
7.	Корзиноплетение	Дементьевская, Ольховская Горская Чаромская Колоденская Шухтовская	23 селения, 161 человек	
8.	Экипажный	Нелазская	7 селений, 24 человека	
9.	Самопрялки	Чаромская	9 селений, 14 человек	
10.	Дровенники	Федото-Раменская Любецкая	19 селений, 72 человека	
11.	Шерстоваляльный	Прягаевская Колоденская Воронинская Даргунская	58 селений, 254 человека	отхожий

		Пусторадицкая Петриневская		
12.	Выделка овчин	Прягаевская 1-я Петриневская 2-я Петриневская Ягановская	37 селений, 161 человек	
13.	Верёвочный	Богословская	9 селений, 62 человека	
14.	Плетение кружев и косынок	Ковжская Чаромская	4 селения, 10 человек	
15.	Пилоставный	Уломская	1000 человек	отхожий
16.	Столярный	Ягановская Усищевская Петриневская Уломская Андогская Воронинская	300 человек	
17.	Выработка телег, саней, дровней (обозных изделий)	Федото-Раменская Нелазская	72 человека	
18.	Сидка дёгтя	Ягановская Петриневская	13 человек	
19.	Углежжение	Луковецкая Дмитриевская	168 человек	
20.	Шорный	Шухободская Шухтовская Ягановская	31 человек	
21.	Ткацкий	Починковская Чаромская Усть-Угольская Пачевская Луковецкая	488 человек	
22.	Кирпичный	Дементьевская Богословская Шухободская		

Источники:

1. Фёдоров И.В. Описание кустарных промыслов Новгородской губернии. Новгород, 1910.
2. Смирнов П.Л. Развитие промышленности Череповецкого края. 1955.Рукопись. Архив ЧерМО.

Документ
Условие о подряде на постройку двух судов. 1874 год

«Город Череповец. Тысяча восемьсот семьдесят четвёртого года сентября 30 дня.

Я, нижеподписавшийся крестьянин Белозерского уезда деревни Филиппова Василий Петров, дал сие условие череповской второй гильдии купецкой жене Анне Ивановне Тарасовой в том, что я, Петров, порядился выстроить в зиму 1874-5 годов два судна конструкцией унжаки, длиною восемнадцать сажён, шириною сорока семи четвертей, вышиною внутри судна двенадцать четвертей, на следующих условиях:

1) Постройку судов я, Петров, обязан начать с первого ноября сего года на реке Мотоме близ деревни Филиппова из всех своих лесов и прочих материалов Тарасовых.

2) Всю работу производить по указанию посланного Тарасовой мастера, безотговорочно.

3) Суда все должны быть готовы к открытию навигации 1875 года и спущены на воду и выгнаны в город Череповец ей, Тарасовой, не позже первого мая в полной исправности и неводотечными. На все сданные суда я, Петров, обязуюсь выдать ей, Тарасовой, судовые свидетельства с должными надписями.

4) В случае неисправной работы то Тарасова за которую неисправность имеет право получать с меня, Петрова, неустойку от 10 до 15 рублей и, кроме того, нанимать за мой, Петрова, счёт вольных рабочих, а что будет Тарасовой израсходовано, то я, Петров, обязан заплатить наличными деньгами.

5) Цену за исправную работу и своевременную сдачу судов я договорился получить за два судна пятьсот пятьдесят рублей, а в задаток получаю сто пятьдесят рублей, а остальные получить по усмотрению Тарасовой, соображаясь с ходом работ. Расчёт получить в Череповце по своевременной сдаче судов и передаче билетов.

6) Условие с обеих сторон хранить свято и ненарушимо».

Павел Гордеевич Вересов – поэт и учитель из Белозерья (Забываемое литературное имя)

Как литератор он издавал книги в Череповце и Вологде, Москве и Санкт-Петербурге, в Новгороде. Общее число сборников стихов и прозы, учебников составляет около 15 наименований. Например, сборник «Подарок. Стихотворения для детей и беседы с детьми» выдержал 3 издания в Москве и Санкт-Петербурге. Последняя из книг, изданных П.Г. Вересовым – «Арифметика. Курс двухклассных училищ. Пособие для учащихся», СПб, 1913, типография А.С. Суворина.

**Основателю учительской династии Белозерья,
поэту и прозаику Павлу Вересову посвящается.**

Глава 1. БУБРОВО, АНТУШЕВО, И ПАВЕЛ ВЕРЕСОВ

С Василием Алексеевым, моим однокурсником по истфаку ВГПИ, я встретился на праздновании юбилея замечательного вологодского поэта Л.А. Беляева. Белозерск середины июля 2009 года был наполнен памятью о нём. Череповецкий скульптор А.М. Шебунин подарил бюст поэта музею, в доме-музее С.С. Орлова открылась выставка, посвящённая 70-летию юбилею Л.А. Беляева, в актовом зале детской школы искусств состоялся большой литературный вечер памяти поэта, редактора телевидения, моряка Л.А. Беляева. Но ближе к вечеру, уже разместившись в редакции газеты «Белозерье», разговор с Василием Алексеевым (главным её редактором) шёл уже об ином сыне Белозерской земли, о педагоге, писателе, поэте Павле Гордеевиче Вересове, который около сорока лет учительствовал под Белозерском в XIX – начале XX века и оставил потомкам, помимо светлой памяти, большой пласт литературных произведений.

Рано утром на следующий день мы уже ехали в деревни Буброво и Антушево, где, собственно, и прошла жизнь героя этих заметок.

Вообще, Белозерье удивительный край! Вот мы проезжаем дер. Емельяновскую – родину поэта С.В. Викулова. Вот отворотка на Новозеро, где в монастыре-тюрьме снимались первые кадры фильма Шукшина «Калина красная».

Дальше по дороге деревня Ульяновкино с разрушенным храмом. Прихожанином этой церкви был и наш герой П.Г. Вересов, ибо деревня Буброво, где он учительствовал, была недалеко.

Современная Бубровская школа располагается в селе Артюшино в двух шагах от Буброва. Найти летом кого-то из администрации не удалось. Школа деревянная, одноэтажная, стоит на очень хорошем месте. На этом ли месте стояла в 19-м веке Бубровская земская школа неясно.

Но вот уже и первый всплеск интереса. Памятная доска, на которой указывается, что школа основана в 1878 году, и что в 1978 году ей исполнилось 100 лет. Но как быть с воспоминаниями Павла Вересова о том, что в 1873 году его направили учителем в деревню Буброво, и как быть с документами из ГАВО (Государственный архив Вологодской области), в котором учитель Вересов собственноручно пишет об окончивших курс в Бубровском сельском училище в 1874 году? (см. Приложение №4). Кстати, такие фамилии могут носить и нынешние жители деревни, и выпускники или учащиеся школы. Вот и повод поговорить с Василием Леонидовичем Алексеевым об исторической науке, об источниковедении, о памяти предков.

Впрочем, одни воспоминания внуки П.Г. Вересова, которые хранились в архиве Белозерского музея-заповедника, мне ещё ранее любезно выслала директор дома-музея С.С. Орлова Н.А. Колосова. К моей радости даже ксерокопия фотографии учителя Вересова была приложена к письму. Эти сведения внуки Павла Вересова Н.В. Вересовой были датированы 22 сентября 1982 года, но её следов ни в Буброве, ни в Антушеве обнаружить не удалось. Однако, сообщённые на 3-х с половиной машинописных страничках сведения отлично дополняли мои архивные изыскания и работу в Российской Национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга.

Должен сказать, что моё внимание личность Павла Вересова привлекла из-за фамилии. Самые первые сведения о поэте Вересове я получил из книги «Поэты Вологодского края» под редакцией С.Ю. Баранова (Вологда, 2007, часть 3, С. 309). Ну а дальше интерес к этому человеку только возрастал. И сходство наших фамилий ушло уже на второй план, хотя я и посвятил ему свой сборник стихов.

Всё больше возрастали масштаб личности Павла Гордеевича Вересова и понимание того, что имя надо возвращать Вологодской литературе. Я всё больше желал, чтобы о педагоге и поэте Павле Вересове узнали на его родине в Белозерске, и чтобы его произведения зажили живой жизнью. Ну разве не стоят этого десятилетия педагогической деятельности в Белозерском уезде, подготовленные сотни учителей крестьянских училищ, несших крестьянским детям свет образования?! Разве можно отмахнуться от того, что, родившись крепостным крестьянином, мой герой стал истинно народным просветителем. Он не «ходил в народ», он вышел из народа и всего добился самообразованием.

После Буброва редактор Василий Алексеев повёз меня в село Антушево, в котором жил, преподавал и заведовал двухклассным училищем П.Г. Вересов с 1881 года и до его смерти в 1916 году. Было желание поклониться этому месту, найти следы пребывания Павла Вересова или память о нём.

Надо сказать сразу: от начала 20-го века в селе ничего не осталось – церковь разрушена, кладбище при ней тоже не сохранилось. Но кое-какие следы моего героя удалось обнаружить в селе Антушеве. К сожалению, в селе много переселенцев из других мест, затопленных во время строительства Волго-Балта. Стоит село очень удачно – чуть в стороне от дороги Череповец-Белозерск. В

Антушеве мне удалось познакомиться с Александром Антипиным. В доме его мамы хранятся учебники конца 19-го начала 20-го века, и в том числе – последняя из изданных Павлом Вересовым книг «Арифметика» (СПБ, 1913). Его мама, которой сейчас 93 года, помнит ещё кого-то из учительской Белозерской династии Вересовых. Она сама работала учительницей начальных классов в Белозерске. А после Павла Вересова антушевским двухклассным училищем заведовал его сын Николай, и его жена работала с ним. Внучка тоже пошла в педагогику по следам деда и родителей. К сожалению, следы династии обрываются на воспоминаниях Н.В. Вересовой 1982 года.

Неизвестно точно, сколько детей было у Павла Вересова. По архивным данным его дело в Антушево продолжил сын Николай, а по воспоминаниям Н.В. Вересовой, её мамой была дочь Павла Гордеевича, которая учительствовала в Антушево несколько лет.

Возможно, это один и тот же человек (сноха и дочь). Воспоминания иногда бывают неточны, а возможно, генеалогия рода Вересовых прояснится по опубликовании этой статьи.

Глава 2. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА УЧИТЕЛЯ ВЕРЕСОВА (ИЗ КРЕПОСТНЫХ В НАРОДНЫЕ УЧИТЕЛЯ И ПОЭТЫ)

Вот как сам П.Г. Вересов в статье «Из тридцатилетней жизни сельского учителя» (1873-1903)⁵ пишет о начале своего земного пути:

«Я родился крепостным крестьянином Белозерского помещика, проживавшего в Москве. Хорошо помню восторженные настроения местных крепостных по объявлению Манифеста девятнадцатого февраля 1861 года». (Это делало их свободными людьми.)

О дате рождения героя заметок неизвестно. Определим её приблизительно в 1-й половине 50-х годов 19-го века.

Не могу удержаться и хотя бы кратко перескажу, как учился грамоте Павлуша Вересов, и его путь к педагогическому мастерству.

В учителя дедушка (бывший главой большой семьи) пригласил заштатного дьячка, старика, умевшего читать только «печатное», писать же вовсе не умевшего. Учеников у него было четверо. «Учителя» кормили и одевали понедельно их родители. Через неделю он со школьниками менял квартиру. Кроме букварей и азбук других учебных пособий не было, школьной доски тоже. Ученики помещались за обыкновенным столом на лавках, а дьячок сидел в дальнем углу избы и плёл берестяные лапти на продажу. Возле него на лавке лежала довольно длинная берёзовая плётка – указчица и вдохновительница учёбы, в случае надобности возбуждая внимание к мудрой науке.

Около восьми часов утра начинался учебный день и кончался, когда скот возвращался с полей. Деления на уроки и перемен не было. Твердили с утра до полудня. В полдень дьячок отпускал учеников на обед и отдых от часу до двух (определить время точнее было не по чему, в деревне не было часов).

Первое время Павел часто плакал от невыносимой скуки, хотя у него была азбука с картинками. Учился легко, запоминал буквы и скоро овладел «складами».

«Буки» + «Азь» = «Ба»...

Лишь в праздники после полудня дети были свободны и могли сходить в лес – по грибы, ягоды. Но до полудня должны были читать «божественные» книги, твердя по ним и повторяя многократно молитвы.

Учитель сидел в углу и смотрел за учениками, нараспев твердившими азбуку. Он поправлял произношение слова, если ученик неверно произносил его,

а если школьник был невнимателен, то он подходил к провинившемуся со словами «Грех, ох, грех!», и берёзовая плётка свистала по плечам «ленивца».

«В рот тя глиной!» - любил повторять учитель, и праздник был у ребят, когда он отлучался в лес за берестой и лыком для плетения лаптей.

Постепенно Павел научился читать по складам, а потом и, как тогда называли, «по верхам» (т.е. это обыкновенное, хотя и медленное чтение). Но книг в деревне не было, кроме часовника и псалтири. Велика была радость Павлуши, когда проезжая барыня подарила ему «Родное слово» т.2 Ушинского. Много отрадных часов провёл он за этой книгой.

Не отсюда ли у Павла тяга писать стихи и рассказы для детей, издавать их, учить их на примерах сельской жизни, описанных им самим? Он-то уж хорошо понимал своих маленьких учеников, стремившихся к знаниям, но зачастую не имевших достойных и доступных учебных пособий.

Письму Павла учил уже волостной писарь Н.Ф. Филиппов, которому он помогал потом составлять приговоры, писал условия и билеты крестьянам волости.

В 1868 г. Павел поступил в новую школу по изучению арифметики и грамматики. Хотя учитель там делал ошибки при умножении и делении, но кое-чему его ученик научился. И тяга к учению была такой сильной, что Павел в 1870 году отправляется в Белозерск для обучения в учительской школе, чтобы потом учить начальной грамоте крестьянских детей.

В Белозерске таких детей собралось 10 человек, и их готовили для поступления в учительскую школу учителя (большой частью духовного звания), окончившие учительские курсы в г. Череповце. Школ тогда в России (особенно начальных) стали открывать довольно много. Нужда была уже у государства в грамотных людях (это и церковно-приходские, и земские школы, и двухклассные училища, и ремесленные училища). Конечно, квалифицированных преподавателей не хватало.

В уездном училище Белозерска учеников, готовившихся к поступлению в учительскую школу, проэкзаменовали. Знания, конечно, были слабые, но в начале августа 1870 г. на паре пристяжных земских лошадей детей отправили в Новгородскую Александровскую учительскую школу. Кстати, путь от Белозерска до Новгорода занял 11 дней.

Директором Новгородской Александровской учительской школы был ученик Н.Д. Ушинского барон М.О. Косинский. Ему и педагогам школы пришлось много поработать, чтобы из юношей малообразованных вышли педагоги. Но вот пример П.Г. Вересова говорит о том, что и образование, и воспитание в этом учебном заведении было поставлено хорошо. Юноши много трудились над исправлением своих недостатков, чтобы потом стать настоящими учителями для сельских ребятишек.

В 1870 году в школу было принято 42 человека. Их учили, что всякий полезный и добросовестный труд нужен отчизне, и учили не только учительскому ремеслу, но и навыкам крестьянского труда, музыке, искусствам. Отсюда, например, у П.Г. Вересова такое многообразие интересов. И во многом благодаря этому неплохому образованию он и преуспел в жизни, в воспитании и образовании детей, в сочинительстве, на общественно полезном поприще и в простых крестьянских занятиях.

В Буброве

В 1873 году П.Г. Вересов (двадцати с небольшим лет) закончил учительскую школу и получил назначение на должность учителя в Бубровскую земскую школу.

Начал Павел Гордеевич с выработки расписания ежедневных занятий и распределения учебного материала по частям года. Напомню, что никакой методической и учебной литературы тогда не существовало. И это оказалось трудным делом. Попробуйте «изобрести велосипед» в педагогике! Помог здравый ум и опыт учёбы в Новгороде. Хотя в школе ощущался недостаток учебных пособий и классных принадлежностей, новый учитель решился давать по шесть уроков ежедневно, с расчётом, чтобы каждая из трёх групп учащихся работала при личном содействии учителя не менее двух часов. Следовательно, предстояло выработать расписание с 36 различными видами работ на каждый день. Как же эта система обучения отличалась в лучшую сторону от той, по которой сам П.Г. Вересов учился писать и читать!

Бубровская сельская школа была открыта в 1870 году. Она помещалась в здании упразднённой «сельской расправы», довольно запущенном и долгое время не ремонтированном. Сторож Терентий Никитич Борисов только зимой проживал при школе, а летом занимался пастушеством. Любил он только своих собак и кур, а детей называл «шалунами» и грубо прикрикивал на них, когда случались столкновения между животными и детьми.

Здание школы было всё увешано паутиной и загажено птичьим помётом. Учителю пришлось отдать 4 рубля женщинам, целую неделю приводившим школу в порядок. (Два рубля ему вернули за счёт волостных сумм – остальные два рубля пришлось доплатить из личных средств. А жалованье по должности учителя назначено было Вересову 16 рублей в месяц. По неопытности с молодого учителя взяли за этот труд (уборку) безбожно дорого.

Мебели в школе вообще не было, её заменяли длинные столы с горизонтальными досками на крестообразных ножках. Для учителя был небольшой столик, расклеенный во всех своих частях. Был, правда, небольшой шкаф для школьных принадлежностей. Печка мало нагревала комнату, но много дымила. В переднем углу на стене висел большой церковный образ тёмного цвета, изображавший Иоанна Предтечу с крыльями за спиной. Перед ним висела церковная медная лампадка.

Хотя школа существовала уже 3 года, но строго систематических классных занятий в ней не было. По выражению учеников, «до обеда читали, после обеда писали». Бывало и наоборот. Учитель, бывший до Павла Гордеевича, часто допускал личные забавы и развлечения, иногда крайне непристойные в адрес учащихся и сторожа. Розги царили в школе в полную силу. И что было особенно ужасно – это то, что учащиеся наказывались ими не только за дурное поведение, но и за ошибки, допущенные детьми при списывании с книги. По удару розгой за каждые десять ошибок.

Вот такое наследство получил П.Г. Вересов от своего предшественника в Бубровской сельской земской школе. А учителю Вересову хотелось осуществить свои заветные мечты: привить ученикам качества, возвышающие душу и облагораживающие сердце, расширить горизонты их познаний.

Из второго выпуска воспитанников Новгородской Александровской учительской школы на службу в 1873 году поступило только в Белозерский уезд 6 человек, и им выпало счастье и труд созидать новый тип земской школы, соответствующий потребностям страны. И надо сказать, до этого выпуска не было в уезде учителей со специальной педагогической подготовкой. Им был назначен высший разряд содержания: 200 рублей в год.

В первый год педагогической деятельности Вересова всех учеников в школу собралось около 40 человек. Ученики заманивали на уроки своих сверстников, сестёр и братьев, говоря, что нынче в школе очень весело, песни поют, розгами

не наказывают. Возраст учащихся был от 10 до 15 лет. Старшие ребята могли кроме 6 уроков дополнительно заниматься по вечерам.

Сначала занятия велись с оттенком развлечения и забавы: пелись детские песни, читались сказки. Затем занятия стали более серьёзными, на них заучивались стихотворения, знакомились с грамматикой и арифметикой. В школе проходили Закон Божий, чтение церковной и гражданской печати, письмо и арифметика, сообщались исторические и географические сведения, а также факты из ботаники и зоологии из книги для классного чтения. Объяснялись обыденные явления природы. Все уроки, включая Закон Божий, планировал и давал сам П.Г. Вересов.

Он также был великолепным таксидермистом. В его коллекции были, например, все породы сов – от громадного филина до экземпляра чуть больше воробья. Павел гордился особенно редкими экземплярами: громадный лебедь, весивший 35 фунтов (фунт – 409, 51 г. прим. автора), орёл, ширина распостёртых крыльев которого была 46 вершков (вершок – 4,5 см. прим. автора), очень большая пятнистая рысь, купленная у охотника за 7 рублей. Эти коллекции помогали в преподавании и изучении природы родного края. Учителя других школ приезжали специально в Буброво научиться мастерству набивания чучел у местного преподавателя.

В 1878 году Бубровская земская школа была преобразована в одноклассное училище. Немного повышалось и денежное содержание учителя, и улучшалась училищная обстановка. Совместно с местным священником учителю удалось уговорить крестьянскую общину уступить для училища пустующее здание общественного магазина. Заниматься в этом здании, когда оно было обжито, было несравненно легче: не ощущалось одуряющей голову духоты, света и воздуха было достаточно.

Дети привязались к училищу и аккуратно посещали его. Выполняли они и общественные работы, например, высаживали деревья как предохранительную меру от пожаров.

Добрую память оставил по себе учитель П.Г. Вересов в д. Буброво, однако, в конце лета 1881 года он получает назначение в качестве учителя II класса и заведующего Антушевским двухклассным училищем. И хотя для самого учителя это было повышением и продвижением по службе, со слезами на глазах жители Буброва проводили П.Г. Вересова в Антушево.

Антушево

По приезде в село Антушево П.Г. Вересов нашёл училище в отвратном состоянии и написал довольно резкое письмо инспектору училищ Белозерского уезда с просьбой о надлежащих распоряжениях по улучшению материального быта училища. Инспектор вскоре лично пожаловал на экзамены. Вот как передаёт их беседу П.Г. Вересов.

«- Я прошу Вас не писать в таком тоне, иначе я вынужден буду передать заведование другому лицу.

- Сделайте одолжение, Ваше Высокородие, - отвечал я. – Неудобно ли Вам, чтобы я передал училище сейчас же, в Вашем присутствии. Оба преподавателя налицо – кому из них соблаговолите

- Да не горячитесь, не горячитесь! – заметил он и, помолчав минуту, продолжал спокойным голосом, - А что? Представить Вас к серебряной медали за усердие?

- Это дело Ваше, как соблаговолите.

- А носить её будете?

- Это дело моё».

Просьба эта не осталась без последствий. Материальное положение училища улучшилось. Ну а в дальнейшем в инспекторе учитель Вересов видел только доброго начальника. Кстати, и медаль «За усердие» была ему вручена, чем, конечно, рождённый крепостным крестьянином Павел Гордеевич очень гордился.

Надо сказать, что большинство училищ (школ) уезда были одногодичными. Т.е. в них крестьянские дети учились грамоте и иногда ремеслу. Антушевское училище было двухгодичным, и 2-й год обучения держался на земских стипендиях для учеников. В училище было 12-13 земских стипендий, на которые зачислялись ежегодно наиболее способные и подготовленные ученики начальных школ уезда по конкурсу.

Стипендиаты проживали постоянно при училище, здесь же и ночевали, только кушать ходили на село, на квартиры. По окончании курса они, большей частью, поступали в учительские школы и семинарии – Новгородскую, Череповецкую, Вытегорскую. Из девяти, окончивших курс в 1882 году, в семинарии поступило 7 человек, из 11, окончивших в 1883 году – поступило 7, из 17 в 1886 году – в семинарии поступило 7, из 13 в 1887 году – 7 человек стали учиться на учителя. Это очень высокий показатель работы Антушевского двухклассного училища и лично П.Г. Вересова как заведующего.

Выпускники проходили тот же путь, что и сам заведующий, становились учителями, несущими крестьянам просвещение. Именно им посвятил П.Г. Вересов своё стихотворение «Антушевцам».

Кстати, и его дети пошли по стопам отца. Уже, как следует из архивных данных, в 1917 году Антушевским училищем заведовал П.Г. Вересов, преподавала в нём, видимо, и его супруга А.М. Вересова. Учителями были В.Ф. Вавилов, П.Н. Махов и А. Ефремов (дело 978 оп. 2 ед.хр. 25 стр. 1а. ГАВО).

В Антушеве П.Г. Вересову приходилось бороться и за посещаемость занятий и за количество учащихся в классе. Он хотел охватить начальным образованием всех крестьянских детей с окрестных деревень. И уже в 1886 году число учащихся в первом классе значительно превышало норму, определённую инструкцией, при одном учителе. Поэтому даже был назначен помощник учителя И.М. Бельтенёв, только что окончивший курс Череповецкой учительской семинарии. Позже он стал полноправным учителем.

Решал Павел Гордеевич и бытовые проблемы земских стипендиатов 2-го года обучения. Здесь ему помощницей была супруга, которая была удостоена благодарности от земства за труды по содержанию стипендиатов.

С 1889 года стипендий более не давалось, но количество учащихся 2-го класса всё равно неуклонно росло. Образование, которое получали крестьянские дети в Антушевском училище, стало ценным само по себе.

Далее автор приводит выдержки из воспоминаний Вересовой Н.В. (внучки Павла Гордеевича) об Антушевском двухклассном училище и о личности П.Г. Вересова, написанных в 1982 году и хранящихся в Белозерском краеведческом музее.

«Родился Павел Гордеевич в деревне Перкумзь. Учителем в Антушеве и заведующим двухклассным училищем, он высоко поднял авторитет училища. Классы набирались по 40-50 человек. Все ученики усваивали программу. Павел Гордеевич был убеждён, что неспособных детей нет. Был строг и требователен, но умел и заинтересовать учащихся в получении знаний. Много внимания уделялось трудовому воспитанию. При школе были хорошо оборудованные мастерские (см. Приложение №6 – архивный документ о ремесленном классе при антушевском училище. прим. автора.)

Изучали свойства местных пород деревьев, способы их обработки, учились владеть инструментами по обработке дерева, умели пользоваться различными клеями, красками, лаками. Сам Павел Гордеевич столярничал, был токарем, набивал чучела животных...

Он был силён умением уважать в подчинённых ему детях достоинство, щадить самолюбие. В уважении к ребятам было и уважение к своему труду. Это не могло не влиять на окружающих: учителями стаи некоторые его ученики, двое детей, шесть внуков... Павел Гордеевич был человеком с разносторонними интересами. Сохранилось несколько черновиков его писем к редактору журнала «Всеобщая библиотека» в Петербурге, к А.Ф. Знаменскому, издателю журнала «Отклики народного учителя и его досуги», который издавался в Вологде с 1907 г... Есть черновики письма Н.Я. Брюсовой (сестра писателя Брюсова) с приглашением приехать в «Учительское» (небольшое имение П.Г. Вересова в километре от Мондомы, которое помогало прожить семье учителя при сравнительно небольшой оплате его труда. прим. автора)... Сохранились дневниковые записи о посещении Павлом Вересовым в Петербурге академика Я.К. Грота, А.И. Майкова, посещение Академии наук 29 декабря 1883 г. (этих записей автор статьи, к сожалению, не видел. прим. автора.)...»

А вот как сам Павел Гордеевич пишет о своих внешкольных должностях и занятиях:

«Перед последней Русско-Турецкой войной ещё в Буброве по постановлению земского собрания занимал бесплатную должность заведующего Чироковским конно-военным участком.

В Антушеве крестьянами ближайших к училищу волостей избирался в гласные земского собрания». (Гласный – выборный член земского собрания.)

Во время всей службы на посту учителя и заведующего училища ревниво охранял его честь. Училищное начальство награждало его денежными премиями, устными и письменными благодарностями. Награждён серебряной медалью «За усердие» и бронзовой за труды по народной переписи.

Т.е. около сорока лет трудился П.Г. Вересов на ниве народного (крестьянского) образования. Снискал любовь и уважение коллег, начальства, учеников и крестьян окрестных волостей. Его дело продолжили дети и внуки, настолько духовной и авторитетной была фигура П.Г. Вересова.

Как учитель он заслуживает всяческого уважения и памяти. Такие подвижники как П.Г. Вересов вырвали Россию из мрака невежества и неграмотности. Ну а Белозерскому району надо гордиться педагогом Вересовым П.Г.

Однако, перейдём к иной сфере деятельности героя этого очерка. Очень мало сведений сохранилось бы о П.Г. Вересове, о его судьбе и коллизиях жизни и педагогической деятельности, не занимайся он литературным трудом.

Когда начали вырисовываться контуры будущей статьи с целью возродить забытое литературное имя, автору статьи пришлось специально съездить и поработать в Санкт-Петербургскую Национальную библиотеку, чтобы имя поэта и писателя П.Г. Вересова заняло достойное место в Белозерской и Вологодской литературе.

Глава 3. ЗАБЫТЫЙ БЕЛОЗЕРСКИЙ ЛИТЕРАТОР

С удовольствием читал тексты с «ятями», где рассказывалось о педагогической системе 19-го – начале 20-го века. Понял, что проблемы в педагогике были те же, что и сейчас. Наука воспитания и обучения и тогда и

сейчас нуждалась в добре и держалась на добре, понимании и личном примере. Это её важнейшие составляющие.

П.Г. Вересов был не только литературно одарённым человеком, но и был творческим человеком в педагогике. Он стремился обобщить своё педагогическое наследие и обнародовать его выводы и умозаключения в прозе и в стихах, воспитывал лучшие чувства, призывал к свету образованности, хотел лучшего будущего для России. Это ли не заслуживает памяти потомков? Мы за прошедший век вряд ли стали много нравственнее в жизни, а такие литераторы как Вересов из прошлого дают нам ориентиры в творчестве и в жизни.

Даже названия его сборников стихов и прозы говорят сами за себя:

«Капля блага», 1895, СПб

«Песни сельского учителя», Череповец, Череповецкая мастерская учебных пособий, 1881

«Подарок» - стихотворения для детей

«Беседы с детьми сельского учителя Павла Вересова»

Кстати, эта книга выдержала 3 издания в Москве и Санкт-Петербурге (в издательстве Императорской Академии наук).

Первое её издание 1879 года вышло с предисловием академика Я.К. Грота, крупного русского филолога 19-го века. В приложении №1 даётся статья о Гроте из энциклопедического словаря.

Конечно, такое внимание учёного светила сильно обрадовало тогда ещё молодого, скромного учителя из Бубровской школы. Но Гроту было на самом деле за что похвалить Павла Вересова. Они переписывались, с уважением относились друг к другу, и Павел Гордеевич даже ездил в столицу империи Санкт-Петербург для личной встречи с академиком. О чём он с большим восторгом пишет в своих воспоминаниях.

В приложении к статье даётся полный список литературных работ П.Г. Вересова(Приложение №2).

Всё же попробуем прикоснуться к поэтическому наследию Павла Вересова.

Сборник «Подарок» - детские стихи, вернее, стихи для обучения и воспитания детей. Текст стихотворения на одной странице, вопросы по содержанию на другой. Здесь поэтическая стихия подчинена обучению.

Например:

Стихотворение
«Осень».

Что такое осень?
Какие занятия осенью?
Почему она золотая?

Стихотворение
«Зимние вечера в деревне»

Дети, постарайтесь написать
сказки, истории, которые вам
сказывала бабушка.

Это прекрасный метод воспитания через высокую поэзию, понятную деревенским ребятишкам 19-го века.

Но Павел Гордеевич писал не только стихи для детей, но и рассказы и очерки из деревенской жизни 19-го века, такой забытой и кажущейся патриархальной сейчас. Это великолепный срез деревенских картинок, обычаев, верований, быта 19-го века. Думаю, этнографы и историки могут многое почерпнуть из его рассказов. Равно как и психологи могут глубже понять душу

русского крестьянства 19-го века. Особенно в смысле того многого, что мы уже потеряли.

В 60-е годы 20-го века бытовал термин «писатели-деревенщики». Вот, может, одним из первых «деревенщиков» и был П.Г. Вересов. Ну негоже забывать жизнь русской провинции, деревни, т.е. свои исторические корни! Уж томика избранной прозы и стихов Павел Вересов несомненно достоин.

А ещё он писал басни и сказки в стихах. У него есть своя «Репка» и «Петушок». Эти сюжеты Павел Гордеевич записал на какой-то свой Белозерский лад. Ну разве это не интересно?

А вот строчки из басни «Зубец»:
Один дурак в собраньях шумных
Поссорить может много умных.

Тряпка:
Когда глупцу окажут честь,
Не знает он куда и сесть.

Есть у него и басни, и сказки с явной социальной направленностью: «Кто на дне», «Дедушка». Есть и произведения духовно-нравоучительного характера: «Вежи», «Добрый хозяин», и многое другое.

Я не филолог, а это работа отбора и анализа стихов весьма специфическая. Но творческий потенциал поэта Вересова П.Г. весьма велик, его творчество даёт богатейший материал для диссертаций и лингвистических исследований.

Мне показалось, что поэт Вересов не избежал в своих стихах влияния популярнейшего в конце 19-го века Надсона. Какие-то нотки печали, грусти, кладбищенские мотивы, разлуки звучат в лирике поэта Павла Вересова. Например, «Гостья с погоста», «Сила молитвы».

В 1893 году Вересов съездил в Санкт-Петербург для личного знакомства с Яковом Карловичем Гротом. При его содействии удалось познакомиться с А.Н. Майковым и Я.П. Полонским, знаменитыми поэтами. В беседах с ними Павел Гордеевич убедился, что они имели неполное представление о земских школах и народных учителях. На прощание А.Н. Майков подарил свои сочинения с надписью «На память», сказав П.Г. Вересову: «Вы человек здоровый духом».

Кстати, последней книгой Павла Вересова были не стихи и не проза. Последней книгой его была «Арифметика», 1913 г., выпущенная в Санкт-Петербурге. Она посвящена светлой памяти К.Я. Грота и является завершающим трудом педагога Вересова. Была нужда в таком учебнике для двухклассных училищ, и поэзия уступила место долгу.

Последние годы Павел Вересов работал для педагогики. Блестящий учебник, ясно и доступно излагающий материал, с задачками и примерами из повседневной жизни русской глубинки.

Не знаю, можно ли стихи Павла Вересова отнести к русской поэзии Серебряного века, слишком далеко его творчество от столичного. Но вот благородство и высокие идеалы белозерца Вересова очевидны. Литератор пишет учебник по арифметике в силу необходимости. Это сильно и как-то запоминается. Вот это личность! Вот это русский человек!

Стихи его сильны особой обучающе-духовной направленностью. Они интересны как попытки человека выразить себя через поэзию с целью воспитания духовности, нравственности, любви к родному краю, к России, с целью передать свой богатый педагогический и житейский опыт крестьянским детям в первую очередь. И мне, право слово, не было стыдно за своего однофамильца, даже

наоборот – я гордился им. В приложении даются некоторые странички из сборника П.Г. Вересова. Надеюсь, они помогут читателям оценить поэтический дар и безупречную технику стихосложения поэта.

Почему я называю поэта П.Г. Вересова незаслуженно забытым? Да автор статьи и сам совершенно случайно заинтересовался его биографией и творчеством. Открою секрет: главной побудительной причиной была фамилия. Я подумал: а вдруг он как-то связан с вологодскими Вересовыми? Но такие данные пока не нашлись, а вот стихи, проза и жизнь Павла Вересова захватили не на шутку. Обидно было, что когда я работал в Национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга, то был единственным, кто за долгие годы заказывал для просмотра стихи и прозу Павла Вересова. А ведь произведений литератора разножанровых сохранилось очень много.

Павел Вересов умер перед самой революцией в 1916 году. Встретив 1-ю мировую войну на больничной койке. А дальше... наша доблестная история перечеркнула и не такие имена. Его помнили больше как педагога, основателя учительской династии, а не литератора. Пусть хотя бы эта скромная статья возродит имя вологодского литератора, Белозерского педагога, честно выполнявшего свой долг и писавшего в меру отпущенного таланта. А для литературного Белозерья – это ещё один талантливый поэт, ещё один вектор для исследований местных краеведов. Неплохо бы отразить более полно и творчество П.Г. Вересова в местном краеведческом музее.

Был в 19-м веке такой добрый обычай присваивать школам имена заслуженных педагогов, имевших особые заслуги в деле народного образования. Приведу несколько примеров из ГАВО по Белозерскому краю:

Шольско-Заводское училище им. Полежаева.

Верхнее-Чужбайское им. Владимирского.

Городицкое им. В.А. Сухина.

Почему бы отделу народного образования Белозерского района не возродить эту добрую традицию и не присвоить имя П.Г. Вересова Бубровской или Антушевской школам. Или учредить ежегодную премию лучшему сельскому учителю Белозерья им. П.Г. Вересова, чем увековечить его имя. Лауреата этой премии должна отличать не только многолетняя учебная и общественная деятельность, но и творческая работа – литературная, художественная, артистическая.

Память и благодарность – это то, что всегда заставляет нас оставаться людьми.

Приложение №1

Российский энциклопедический словарь. Книга 1. А-Н. Москва, 2001. С. 403.

Грот Як(?) Карлович (1812-1893 г.) филолог, академик Петербургской академии наук (1856 г.). Работы по истории шведской и финской литературы, скандинавскому фольклору и мифологии, русской литературе, грамматике, лексикологии, лексикографии, пунктуации. Установил нормы русского правописания, сохранившиеся с небольшими изменениями до орфографической реформы 1918 г.

По другому источнику Грот Яков Карлович – языковед, историк литературы, переводчик и поэт, академик Петербургской Академии наук. Ему, в частности, принадлежит строчка: «Минутный призрак – жизнь земная».

Поэты Вологодского края. Часть 2-я, С. 116. Составитель С.Ю. Баранов, Вологда, 2007.

Приложение №2

Список произведений (изданных книг) П.Г. Вересова

1. Вересов Павел Гордеевич Подарок. Стихотворения для детей и беседы с детьми нар.учителя Павла Вересова. СПб. Имп. Акад. Наук, 1879. 39 стр.
2. Вересов Павел Гордеевич Рассказы и очерки из деревенской жизни сельского учителя Павла Вересова. Новгород. Губ. Тип, 1901.
3. Вересов Павел Гордеевич Сельские деятели. Повесть для детей. Москва. А.Я. Панафидин, 1900.
4. Вересов П.Г. Подарок. Стихотворения для детей и беседы с детьми сельского учителя Павла Вересова. изд. 2-е. 1880 г. СПб. Императ. Академия Наук. 40 стр.
5. Вересов Павел Гордеевич Арифметика. Курс двухклассных училищ. Пособие для учащихся. СПб, тип. А.С. Суворина. «Новое время», 1913.
6. Из двадцатилетней жизни сельского учителя. С 1873 по 1898. Новгород, 1898.
7. Вересов Павел Гордеевич Капля блага. Стихотворения с/учителя Павла Вересова. СПб, 1895.
8. Вересов П.Г. Песни сельского учителя. Череповец, Череповецкая мастерская учеб.пособий, 1881.
9. Вересов П.Г. Подарок. Стихотворения для детей и беседы с детьми сельского учителя Павла Вересова. изд. 3. Москва. А.Я. Панафидин, 1900, 45 стр.
10. Семейный грех. Вологда, тип. Баранова, 1907. Приложение к журналу «Отклики нар.учителя и его досуги», 1907, №№9-11.
11. Сказки, басни и другие стихи. Вологда, тип. К.А. Баранеева, 1908. Приложение к журналу «Отклики народного учителя и его досуги», 1908 г., №№5-6.
12. Вересов Павел Гордеевич. Сельские деятели. Повесть для детей. Череповец, Череповецкая мастерская учебных пособий, 1881.
13. Вересов П.Г. Из двадцатилетней жизни сельского учителя с 1873 по 1898 г. Новгородская губернская типография, 1899. 15 стр.
14. Из тридцатилетней жизни школьного учителя (1873-1903) Журнал «Русская школа», 1904 г, №№5-6, С.51-74.

Приложение №3

Подборка стихов П.Г. Вересова

К антушевцам

*Бывшим ученикам двухклассного училища,
ныне народным учителям,
служащим в разных местах обширного нашего Отечества*

Мечту заветную лелея
Освободить от власти тьмы
Непросвещённые умы –
Отметим праздник юбилея
Беседой дружескою мы.

С крестом в груди, в руках с указкой,
Мы всё святое от души
Смиренно сеяли в глуши,
И нас с любовью и лаской
Встречали в сёлах малыши.

Нельзя забыть, друзья и братья,
Как вы сходились в поздний час
Ко мне в открытый настежь класс,
И как вечерние занятия
Бывали веселы у нас!

Какие вам давал советы,
Как провожал вас в города,
И как страдал я иногда
За неудачные ответы,
Ответы ваши, господа.

Как выпуск ваш волной отлива
Весной из школы уплывал,
И как по вам я тосковал,
И в осень снова хлопотливо
Других питомцев призывал.

И как прилив, отлив чредою
Десятки лет из года в год,
Не без тревоги и забот
Встречал я грудью молодою,
Как истый русский патриот.

И вы дружиной совокупной
Пошли в народ исполнить долг,
Чтоб понял в грамоте он толк,
Чтоб голос правды неподкупной
В Руси великой не умолк.

Вы всюду с поднятым забралом,
С заветной думой на лице
В Пржевальске, Риге, Городце,

В Тифлисе, в Омске, за Уралом,
В судьбой обиженном конце.

Вперёд, друзья мои, скорбящих
Разумно будем утешать,
Упавший дух их возвышать,
Будить и звать из мрака спящих,
Святое дело совершать.

И ты, наш старец, пастырь верный,
Служитель Божья алтаря,
Молитву чистую творя,
Благослови наш труд усердный
Во имя Высшего царя.

Талантов в землю не зароем,
Но на страницах мудрых книг
Укажем знания родник
И в царство мысли дверь откроем,
Чтоб весь народ в него проник.

Павел Вересов, село Антушево
Белозерского уезда Новгородской области.

Зубец

На диво мельницу устроив,
Пустил её механик в ход.
Она молола пятый год,
Доход хозяина утроив.
И долго всё в ней было прочно:
Колёса, вал, веретено
Ходили стройно, беспорочно –
Жужжанье слышалось одно.
Но пьяный мельник смотрит тупо
И рассуждает: «Наконец,
Смекнул, что всё выходит глупо –
Фальшивить начал тот зубец,
Взамен его поставим новый!»
И в колесо зубец дубовый
Обухом он вогнал в упор.
Едва пустили воду в дело,
Раздался гром и трескотня,
И клинья кверху полетело,
И заскрипела шестерня...
Вздрыгнули стены и подпоры...,
Остались целы жернова,
А деревянные приборы
Лишь погодились на дрова.

Один дурак в собраньях шумных
Поссорить может многих умных,
Расстроить дружеский совет
И натворить немало бед.

Служба

Известный службой беспорочной
Курьер летит с бумагой срочной.
«Пошёл, ямщик! Пошёл, злодей!» -
Кричит Ивану он сердито,
Хоть пар валит от лошадей,
И тело их кнутом избито.
Примчались к станции стрелой.
«Какой же ты сегодня злой, -
Ивану молвили лошадки. -
Ведь мы неслись во все лопатки,
А ты кнутищем бух и бух,
Едва из нас не вышел дух.
Ведь это, брат, совсем не дружба!»
«Когда бы вы могли понять,
Не стали б мне за то пенять.
Не я вас гнал кнутом, а служба».

Тряпка

Валялась тряпка в грязной луже.
Приют, признаться, не хорош.
Но мог ведь быть гораздо хуже,
Цена тряпицы – медный грош,
А гибнут вещи и дороже,
Когда судьба накажет строже.
Её ж последняя ласкала.
Толпа детей во школу шла.
«Ребята, в луже-то ветошка! –
Воскликнул весело Антошка. –
Промыть её да разодрать –
Ей можно доску вытирать».
И так попала в стол тряпица,
Где были книги и тетрадь.
«Ты кто, скажи, ты что за птица? –
Она назойливым вопросом
Терзает слух им свысока. –
Туда, где грифель и доска –
Нельзя соваться с вашим носом».

Когда глупцу окажут честь,
Не знает он куда и сесть.

Вехи

В полной силе зима, шлёт трескучий мороз,
Засыпает дороги метелями.
В чистом поле ползёт за обозом обоз,
И бредут пешеходы артелями.

Вехи путникам кажут прямые пути,
Пробуждают в душе бодрость сильную.
И без вех бы иным и родных не найти –
Ветер спел бы им песню могильную.

В дни ненастья, народных волнений и смут,

Не внимая коварных учению,
Так избранники неба заблудших ведут
К несомненному их назначению.

Грустная картина

На дворе декабрь морозный,
Сыплет белый снег в стекло.
Зверем воет ветер грозный,
Все тропинки замело.
И дымит лучина в хатах,
Чуть мерцают огоньки.
Дети спят уж на полатах,
А на печках старики.

Наши зимние лачужки
Не блистают чистотой.
Тут лоханки и кадушки
Со зловонною водой.

Там жуют сенцо телята,
Приютившись в углу.
Щиплют веники ягнята,
Кучи сора на полу.

А на лавках неумытых
Уж чего-то, право, нет!
Сколько кринок целых, битых,
Сколько хламу, божий свет!

Вот лежит в пучках лучина
На полу и на шестке.
Сырость, плесень, паутина
По стенам, на потолке.

Что Вы морщитесь, читатель?
Не по вкусу наш приют?
Что же делать нам, приятель,
В нём живёт крещёный люд.

(Да, действительно, поморщится порядочный человек, хлев
построить всего стоит 5 рублей.)

Пустынник

Пришёл он с тяжёлой лопатой,
Усердно стал землю копать.
Достал и топор небогатый
И начал деревья срубить.

Под старой развесистой елью
Он начал с молитвой святой
Устраивать первую келью,
Убогий и тесный покой.

Построил он храм непросторный,

Древесный, с таким же крестом.
Внёс образ в него чудотворный
И долго молился потом.

Молился о царственном троне,
О сей благоверной семье,
О людях, что в Божьем законе
Увидели истину все.

Осень

Вот лето прошло – золотая пора –
И чёрная осень стоит у двора.
Покрыты туманом и роща, и лес,
И красное солнце не смотрит с небес.
Лишь дождик холодный стучится в окно.
Уж птички на юг улетели давно.
На улице слышится жалобный свист
Холодного ветра, и падает лист...
Но есть нам отрадушка в поле одном,
Раскинулась озимь зелёным ковром.
Да если заглянешь в любое гумно,
Увидишь, что хлебом душистым полно.
Из риг же и гумен столбом голубым,
Взвиваясь, уходит под облака дым.
Дожди миновали. Мороз наступил
И инеем лес и дома облепил.
И речку покрыл он прозрачным ледком,
Потом потрусило пушистым снежком.
И вот уж сказала старушка одна
Старушке другой, что сидит у окна
За прялкой докучной: «Гляди-ка, кума,
Подъехала в гости к нам матка зима».

Приложение №4

Архивные списки учеников 1874 г. Бубровского училища
Фонд 971 оп. 1 ед. хр. 6 (242 листа) ГАВО.
Стр. 129-131 Автографы П.Г. Вересова.

Об окончивших курс в Бубровском сельском училище в 1874 году.

Юшкова Наталия

Рожинова Авдотья

Никитина Авдотья

Кузнецов Иван

Смирнов Иван

Бубровский Анкудин

Сиров Осип

Комаровский Михаил

Ушаков Александр

Они получили свидетельство об окончании курса в Бубровском училище.

Каллиграфическим почерком без помарок и ошибок молодой учитель Вересов перечисляет детей, окончивших Бубровское сельское училище в 1874 году и пишет о

хозяйственных нуждах одноклассного училища. Видна рука образованного и думающего человека (прим. автора).

Приложение №5

О количестве и видах училищ

Ф. 971 оп. 1 ед.хр. 14. ГАВО.

1913 г.

92 только одноклассных училища в Белозерском уезде (+ двухклассные, так, например, Антушевское не учтены. прим.автора).

Ф. 971 оп. 1 ед.хр. 8.

Типы училищ в конце 19-го века (выписка из архива)

Приходские городские (2-х классные, 1 классные)
Министерские сельские (2-х классные, 1 классные)
Начальные городские/сельские
Училища колонистов
Магометанские
Училища по особым уставам
(Это помимо церковно-приходских школ и училищ.)

Это количество училищ (не считая церковно-приходских школ) и было итогом многолетней деятельности сотен подвижников народного образования, таких как П.Г. Вересов. Это они обучали и закладывали основы крестьянского образования в сёлах и деревнях страны, т.к. работали на светлую будущность России. Если бы не войны, революции, разруха, голод, Россия должна была стать великой страной образованных людей (прим. автора №2).

Приложение №6

Ф. 971 оп. 1 ед.хр. 8 стр. 16-17. ГАВО.

Из Ведомости о ремесленном классе при Антушевском сельском училище.
1912 г.

Ремесло, которое преподавалось – столярное и токарное.

Обучалось ремеслу 15 учеников училища + 3 посторонних лица (из крестьян).

Единовременно могли работать 10 человек (Ремесленный класс нуждается в более удобном помещении).

Отчёт составлен заведующим училищем Николаем Вересовым (сын П.Г. Вересова. прим. автора).

Растет, мужает город на Шексне...

История Череповца как города началась в 1777 году по воле государства в связи с губернской реформой Екатерины 2. Своё «второе рождение» город получил по воле государства благодаря принятому решению о строительстве на его территории крупного металлургического производства.

20 июня 1940 года секретарь ЦКВКП И.В. Сталин и председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов подписали постановление, в преамбуле которого говорится: «...предрешить вопрос о постройке металлургического завода в районе города Череповец».

12 августа 1940 года на экстренном заседании Череповецких гор- и райисполкомов депутаты единодушно проголосовали за целесообразность отвода территории под строительство металлургического завода 400 гектаров земли к северо-западу от города – между железнодорожной магистралью и рекой Шексной, - то есть там, где сегодня размещается «Северсталь».

Весь жилой фонд докомбинатовского Череповца составлял 153 тысячи квадратных метров. В городе имелось 2761 домов, из которых только 146 в каменном исполнении. Причём, замечу, столько жилья построено за 163 года существования. В экономическом развитии Череповец сильно отставал от десятков советских городов, куда в годы довоенных «пятилеток» пришла «большая стройка». Промышленность города была представлена 20 предприятиями, на самом крупном из них заводе «Красная звезда», - трудилось всего 327 человек.

В связи со строительством металлургического завода комплексная бригада треста «Леноблпроект» выполнила проект планировки жилого района для металлургов. В течение 10-12 лет предусматривалось провести реконструкцию существующего города и освоение свободных территорий. Население Череповца должно увеличиваться 33,4 тысяч человек до 120 тысяч. Проектом предусматривалась следующая застройка:

- Каменная 4-5 этажная – 30%,
- Каменная 2-3 этажная – 25%,
- Деревянная 2-этажная – 20%,
- Индивидуальная застройка – 25%

Связь города с заводом должна, осуществляться двухпутной трамвайной линией. Согласно проекту предполагалось построить цирк, кинотеатр, дом культуры, дом пионеров, крытый рынок, гостиницу, магазины, металлургический техникум, 11 школ, 23 детских учреждения.

Приказом НКВД от 27 сентября 1940 года был утверждён Череповецлаг - Череповецкий исправительно-трудовой лагерь. За считанные месяцы в районе с. Белогородское возник целый лагерьный посёлок из полутора десятков бараков и многочисленных хозяйственно-бытовых построек, сооружён водопровод, начато строительство железнодорожной ветки.

Однако радужные планы превращения Череповца в крупный индустриальный центр перечеркнула Великая Отечественная война.

Правительственное постановление о возобновлении строительства Череповецкого металлургического завода было подписано лишь 30 декабря 1947 года. Спустя ещё год, 4 октября 1948 года, создаётся строительно-монтажный

трест «Череповецметаллургстрой», которому и поручено возведение металлургического завода и гражданских объектов.

Череповец конца 40-х годов был преимущественно деревянным, одноэтажным. Он сочетал черты городской и деревенской жизни. По-деревенски пели голосистые петухи, на лужайках возле домов паслись коровы и козы.

Строительство завода потребовало массу рабочих рук – в город едут тысячи добровольцев и завербованных. Всех требовалось срочно обеспечить жильем. Совет Министров РСФСР специальным распоряжением от 23 февраля 1949 года выделил для Череповца 102 сборнощитовых дома. Для постройки «временных жилых домов» горисполком выделил земельные участки в районе деревни Панькино и улицы Полевой. Однако городу предстояло прирастать не бараками, а благоустроенным жильем.

Череповец в это время заканчивался улицей Горького. Здесь и началось возведение первых послевоенных зданий. Институт «Ленгипрогор» еще работал над проектом планировки и застройки города, поэтому строительство жилья вели по довоенным чертежам. 26 декабря 1948 года геодезист С.И.Левин забил первый колышек в фундамент двухэтажного типового здания – дома №50 по проспекту Победы. С него и начался новый Череповец.

14 ноября 1950 года Совет Министров СССР утвердил проект планировки и застройки г.Череповца. В 103 квартале вставляли двухэтажные дома, а за ними 4-5 этажные здания. Появились очертания будущего центра города – площади Metallургов. Трудно себе представить, что на этом месте было болото, из которого вытекала речка Коржавка, впадавшая в Ягорбу.

24 августа 1955 года на доменной печи был получен первый чугун. Завод вошел в строй действующих. На следующий год, 1 Мая, металлурги впервые прошли маршем по новой площади. Еще через 2 года на площади Metallургов провезли первый слиток череповецкой стали. Что ни год – вступали в строй промышленные объекты, а город рос ввысь и вширь.

В 1956 году впервые в СССР в Череповце возвели крупнопанельный жилой дом (проспект Победы, 35), который называли, «дом Юзбашева» - по имени главного конструктора проекта. Бригада монтажников Н.А.Коротеева, будущего заслуженного строителя РСФСР и почетного гражданина Череповца, смонтировала коробку дома за 27 дней вместо шестидесяти, предусмотренных нормативами. С этого дома в СССР началась эра крупнопанельного домостроения, что позволило резко ускорить темпы возведения жилья. По всей стране приступили к сооружению так называемых «хрущевок», - малогабаритных квартир. Можно сколько угодно ругать «хрущевки», где крошечная кухня, узкий коридор, проходные комнаты, совмещенный санузел, - но они сыграли свою роль. Благодаря им люди перебрались из коммуналок и бараков в отдельные благоустроенные квартиры.

Быстро расширилась городская черта. Городу стало тесно в тех границах, которые определены проектантами. В 1961 году «Ленгорстройпроект» выполнил новый проект расширения города с расчетным количеством населения 200 – 250 тысяч человек. Но окончательного утверждения этот генплан не получил, ибо Госстрой СССР дал указание откорректировать проект в сторону увеличения расчетной численности населения. Дело в том, что Москва приняла решение строить вторую очередь завода – домну №5, конвертерный цех, стан «2000», - а кроме того, мощный химический завод союзного значения. Власти города выступили против «большой химии». 6 апреля 1967 года на заседании Череповецкого горисполкома было принято решение: «В связи с концентрацией в городе предприятий, имеющих большую санитарную вредность, горисполком категорически возражает против размещения в районе города нового крупного

химического предприятия – завода двойного суперфосфата». Однако руководство области поддержало Москву. Химический завод будет включен в новый генеральный план, он станет еще одной важной стройкой Череповецкого промышленного узла.

Обилием вариантов проекты домов не отличались, господствовал стандарт. Проектанты помнили, что Череповец все-таки районный центр и негоже коли дома в нем будут повыше, а улице пошире, чем в областной Вологде. Не раз и не два горисполком обращался в Госстрой СССР с просьбой о строительстве в Череповце домов повышенной этажности. Но лишь в 1965 году с большими трудностями удалось получить разрешение на сооружение девятиэтажных домов. Первые четыре девятиэтажки возвели на проспекте Строителей. Еще десять лет спустя было получено «добро» на строительство двенадцатиэтажных домов. Точечные здания значительно улучшали облик города.

Руководству завода приходилось бороться почти за каждый социальный объект. Денег всегда не хватало, и в целях экономии Москва, как правило, урезала финансирование «социалки». Но директора шли на всяческие ухищрения. Не было такого директора, который бы не получил выговор – от ЦК партии, комитета партийного контроля, министра черной металлургии, - «за нарушение финансовой дисциплины». По прошествии времени выговора снимали, а в Череповце на радость жителям вставляли здания спортивно-концертного зала «Алмаз», Дворца металлургов и даже... областной телестудии. И это в то время, когда многие столицы союзных республик еще только мечтали о собственном телевидении.

20 мая 1969 года Совет Министров РСФСР утвердил очередной генеральный план, по которому численность населения Череповца увеличивалась до 400 тысяч человек. Новое жилье и культурно-бытовое строительство предусматривалось на свободных территориях за реками Ягорбой и Шексной. Чтобы приступить к освоению территории в Зашекснинском районе, где должно проживать 55-60 тысяч человек, необходимо было выполнить огромный объем работ по строительству инженерных сооружений, но главное, построить мост через реку Шексну. Из-за неудовлетворительного финансирования, отвлечения рабочей силы на возведение промышленных объектов сооружение моста затянулось, открытие движения по нему состоялось лишь 5 ноября 1979 года, а первый камень в основание первого дома в Зашекснинском районе был заложен семь лет спустя – 10 июня 1986 года. Из-за отсутствия свободных территорий строительство жилья шло в Индустриальном и Заягорбском районах. Под нож бульдозера попали частные деревянные дома, которым стоять бы еще да стоять.

Развивался Череповец по модели других индустриальных городов советского периода: черная металлургия стала стержнем, вокруг которого возникали другие отрасли экономики, особенно химическая промышленность и стройиндустрия. На многие годы Череповец стал Всесоюзной ударной стройкой. Следствием этого явились высокие темпы роста численности населения.

На протяжении 175 лет Череповец относился к категории малых городов. Благодаря сооружению металлургического завода в середине 50-х годов XX века он стремительно вырвался в разряд средних (свыше 50 тысяч человек). Пробыв там всего 8 лет, Череповец вошел в число крупных городов Советского Союза (свыше 100 тысяч человек). А в 1985 году в городе был зарегистрирован 300-тысячный житель.

Вместе с тем превращение Череповца в монопрофильный город привело к диспропорции между наличием учреждений культуры, образования и культурными запросами горожан, обострило экологическую проблему, которая, несмотря на принимаемые меры, остается главенствующей проблемой для города.

Однбокость развития Череповца, главного кормильца Вологодской области, неэффективность выбранной модели его экономики наглядно демонстрирует сегодняшний кризис. Вологодчина из области-донора превратилась в потребителя.

И все же мало кто усомнится в той пользе, которую принес и приносит Череповецкий металлургический комбинат. Благодаря его созданию традиционно лесоперерабатывающая и аграрная Вологодчина превратилась в индустриально-аграрную. Рождение ЧМК повлекло за собой строительство угольных шахт в республике Коми, железных рудников в Мурманской области и Карелии, разработку нерудных полезных ископаемых в Архангельской, Вологодской, Ленинградской областях, реконструкцию Северной и Октябрьской железных дорог, Волго-Балтийского водного пути. Северный экономический регион превратился в крупную индустриальную базу, подобную Уралу и Кузбасу.

Т.В. Сизоненко,
педагог дополнительного образования
МОУДОД «ДДиЮ «Дом знаний»

Прототипы героев эпопеи Ивана Шмелева "Солнце мертвых" на вологодской земле.

Образный видеоряд произведения, созданный художником Валерием Карпущенко.

Лирическая эпопея Ивана Сергеевича Шмелева «Солнце мертвых» не может оставить равнодушным сердце чуткого читателя. Разум вместе с душой вновь переживает трагедию давно минувшей, а потому кажущейся далекой, гражданской войны, словно закладывая психологический иммунитет к выживанию. Воссозданные Шмелевым, прочувствованные им лично события, вызывают к нравственному осмыслению произошедшего и к судьбам героев. А. И. Солженицын назвал произведение «дневниками о гражданской войне» не просто так. Ему как писателю, историку важен запах эпохи и правда, через которую он прошел и повествует нам. Иван Сергеевич настолько убедителен, что эта правда впитывается полностью без сомнения. И только в голове набатом звучат вопросы: «Что снами происходило? На сколько реальны герои Шмелева? С кого они создавались?». В одной из глав встречаются два героя и утверждают, что они вологодские [1]. Насколько это соответствует действительности?

Этим вопросом уже задавались исследователи. Л. Н. Поповой была проделана серьезная работа по выяснению реальных прототипов героев эпопеи «Солнце мертвых». В своей книге «Шмелев в Алуште» она целую главу посвящает профессору Ивану Михайловичу Белоруссову (именно он у Шмелева назвался вологодским) [2]. Лией Николаевной был отмечен факт знакомства И. С. Шмелева с И. М. Белоруссовым, их доверительные отношения (писатель попросил профессора купить для него в черте Алушты участок земли) [3]. Автор-исследователь выяснила одно из последних мест работы профессора – директор мужской гимназии в городе Орел [4]. И перечислила важные труды Ивана Михайловича Белоруссова: «Личность Пушкина и взгляд его на поэта и поэзию», «К биографии Пушкина», «Учебник по русской грамматике» (выдержавшей 26 изданий), «Учебник теории словесности» (13 изданий), «Словарь ломоносовского языка» в рукописи, удостоенной Академией Наук (1914 г.) премии [5]. Важные находки Л. Н. Поповой лишь подогревали интерес к дальнейшим поискам, действиям и ставили новые вопросы. Приехав на Крымские международные Шмелевские чтения из Вологодской области, мне захотелось разрешить загадку рождения Ивана Михайловича Белоруссова, попытаться найти вологодские корни профессора. Шмелев еще упоминает революционных матросов с «Усть-Сысольсково уезду», того же края, откуда профессор [6]. Какие моряки на Вологодчине? Вопросы... вопросы....

Некоторое время назад (2008 г.) художником В. Н. Карпущенко был создан иллюстративный ряд из акварелей к роману И. С. Шмелева «Лето Господне». Положительный эмоциональный настрой, полученный зрителями от общения с ним, подтолкнул меня к мысли о дальнейшей работе в этом направлении. Художник получил заказ на создание видеоряда к «Солнцу мертвых». Таким

Профессор
И.М.Белоруссов

образом, исследование шло двумя путями: философско-психологическое постижение произведения через художественно-образное восприятие и научно-исследовательские изыскания. Валерий Николаевич, не смотря на тяжелый нравственно-психологический материал текста, с вдохновением взялся за работу. В течении нескольких месяцев (более года мы обсуждали главу за главой), делая небольшие перерывы (слишком драматичен материал), наконец выстроился образный видеоряд к эпопее «Солнце мертвых» (24 картины). Художник пошел не простым путем. В большинстве случаев он создает коллаж на сюжет главы, пытаясь графически выразить повествуемые автором события. Сконцентрированная энергетика текста, обостряя драматизм происходящего, благодаря оригинальной подаче художника, тонко уловившего психологизм истории, делает произведение осязаемым и воздействие его на читателя усиливает в разы.

Глава «Пустыня». «Далеко внизу – беленький городок... Хорош городок отсюда... белоснежный. Дом божий крестом осеняет кроткую свою паству... А солнце пишет свои полотна!... Ни татарина меднорожего, с беременными корзинами на бедрах..., ни шумливого плута-армянина из Кутаиси..., ни фаэтонов в пунцовом плесе, с белыми балдахинами..., ни дамских зонтиков на песке..., ни человеческой бронзы.... Ни ты ли сожрало, море?.... Одно увидишь на побережной дороге – ковыляет босая, замызганная баба с драной травяной сумкой..., прошагает за осликом пожилой татарин..., -- угрюмый, рваный... и вспомнит – было время!.... А то пропылит на мухрастой запаленной лошади полупьяный красноармеец... в ушастом шлыке суконном, в помятой звезде красной... с ведерным бочонком у брюха.... Так вот какая она, пустыня! Смеется солнце. Поигрывают тенями горы!»

Как композиционно точно у художника на картине собраны все эти штрихи со всей главы. Как метко передано – вот он пьяный всадник разрушил неспешный ритм благоухающего довольства жизни и превратил все в прах, уныние.... А природа – она почти бесстрастна, наблюдает....

Глава «Что убивать ходят». «Кто-то верховой едет.... Музыкант Шура – «Шура Сокол».... Покорный конек возит его по горкам... российский конек.... Он одет чисто, в хорошей куртке... порозовел, округлился..., а все тощат.... Один он

на коньке едит, когда все ползает на карачках.... Он проживал на самой высокой даче... «Чайка»... и молодые женщины на ней жили – врачи, артистки.... И вот подошло время. Пришли и в городок люди, что убивать ходят.... Подать женщин веселых.... Подать крови...! И вот, когда все, как трава, прибито, раскатывает Шура Сокол на лошадке. Недаром он поигрывал на рояле, поглядывал с самой высокой дачи – стервятники приглядывают с верхушек.... Книги.... О них я думаю часто... лежат сиротливой стопкой... смотреть больно.... И к ним протянулась кровяная лапа.... Дожди... приехали в городок... что убивать ходят.... Везде... много было работы... нужно было устроить бойни..., шикнуть, доказать ретивость посланным... убивали и зарывали, заваливали

овраги..., выкидывали в море.... Целые армии в подвалах ждали.... Недавно... они... Родину защищали... на полях прусских и австрийских... теперь из подвалов их брали и убивали...».

И снова композиция картины выверена, продумана, цельна. Вот он, бывший дачный музыкант. Пришло его время. Теперь ему почти не до музыки, разве что со скуки. Теперь ему «доверили» музицировать большим человеческим оркестром, вершить судьбы людские. Вот он и ездит, наблюдает, высматривает – куда направить революционный кулак возмездия, а точнее обиду за свое несостоявшееся «я». Пусть не долго, но попитаться хоть «мертвечиной» вдосталь, усладить себя хоть на мгновение.

И еще один пример. Глава «Мemento мори». «Есть в вещах роковое что-то... мы с ... Натальей Семеновной путешествовали по Европе... в 1881 году... меня упорно тянуло в Англию.... Тогда я был молод... революционная эта фебрис... Да здравствует революция...! Лондон, пошел покупать часы... зашли мы с ней в гнусный какой-то переулок, грязный и мрачный... а в темных лавках... все антиквары... в норах своих, как пауки..., матросы со всех концов света такое иной раз привозят.... Вещи чудодейственным образом путешествуют по свету.... Забрели мы в одну такую лавчонку.... Хозяин... коренастая обезьяна, зеленоглазая, красно-рыжая горилла.... «А-а, русский?!... Революционер? Да здравствует республика!» – а сам смеется.... И облюбовал я у него часы-луковицу... не простые часы,

а самого Гладстоуна.... Три фунта скинул!... потому что я русский.... Политикой!... отдадите...! Эти часы доходят, когда в вашей России великая революция будет! – И вот – «до-хо-ди-ли»! Отобрал их у меня тоже... рыжий! И тоже... с хрящеватым носом.... Студент бывший!... В Ялте его на днях видали; носит себе и показывает – «Гладстоун»! Получил ордер на двадцать ведер вина из пролетарских подвалов, в вознаграждение себе..., а его папаша... или дядя... оп-тик! И часиками торгует.... И вот часики мои попадут, быть может, в эту лавчонку?!... И вдруг, представьте себе, какой-нибудь сэр... приедет в страну нашу... и гражданин... тоже рыжий, продаст ему эти часы «с уступочкой»... и увезут их в Англию... они до-хо-дят до «великой революции».... И так далее... в круговороте вселенной!...»

Как у художника четко и грамотно, философски оправданно выстроена композиция! И этот круговорот... во времени. А люди, заинтересованные в революциях, хаосе, как в среде обитания, они остаются, есть и будут. И как они похожи! Может не просто так мастер поместил английского антиквара (перекупщика краденого с мирового рынка) в центр картины? Великобритания – владычица морей в XIX веке, являлась полигоном, где формировался мировой «порядок» и мировой революционный хаос. Но вещи снова возвращаются туда, откуда они прибыли.... Загадкой остается лишь время....

В данной статье не стоит цель охарактеризовать все 24 картины-иллюстрации к эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Важно отметить продуманность и кропотливость проделанной работы, длившейся более года. Идеи каждого произведения рождались после обсуждения очередной главы. Историк и художник, не навязывая друг другу собственного мнения, высказывались по теме, характеристике героев, эпохе, а далее Валерий Николаевич предлагал свое образное видение событий. В основном все утверждалось с первого раза и художник удалялся в мастерскую творить в

одиночестве. Было не легко. Делались перерывы. Осмыслить подобное, пережить вместе с героями «Солнца мертвых» – это тяжелая психологическая нагрузка. Постепенно вырисовывающийся видеоряд позволял воочию представить страшнообыденную картину гражданской войны. Все это важно и сегодня: понять природу человеческих поступков, суметь содрогнуться, но не впасть в уныние, сочувствовать и помогать страдающим детям, старикам..., не озлобиться, а строить планы на дальнейшую жизнь, пытаться их воплотить, несмотря на погоду за окном....

Это первый путь моего постижения И. С. Шмелева, который имеет видимый результат и предоставлен публике на обозрение, прочувствование и обсуждение.

Второй путь научного поиска, также имеет свои последствия. Эта дорога привела меня в город Тотьма, где работники краеведческого музея предоставили мне важные материалы и где волею судеб я познакомилась с родственницей... Ивана Михайловича Белоруссова!

Но, все по порядку. В 2006 году вышла в свет «Вологодская энциклопедия» под редакцией Г. В. Судакова, где содержится статья о Белоруссове Иване Михайловиче [7] (материал подготовлен со ссылкой на литературу: М. Г. Булахов «Восточнославянские языковеды», т. 1, Минск, 1976 г.). В статье говорится о его учебе в Миньковской народной школе, Тотемском духовном училище, Вологодской духовной семинарии и окончании Белоруссовым историко-филологического института в С. Петербурге. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о педагоге и ученом написана также небольшая статья [8]. Родился в 1850 году. Учился в петербургском историко-филологическом институте, состоял директором Орловской гимназии.

В Тотемском краеведческом музее оказались две книги, подтверждающие факт принадлежности И. М. Белоруссова к Вологодской земле. В одной из них «Празднование семидесятилетия Тотемского духовного училища и история сего училища...», составленная Александром Алексеевичем Соколовым [9], высказаны слова гордости за выпускников училища, в том числе и за И. М. Белоруссова. В этом же юбилейном издании приводится текст приветствия от директора Орловской гимназии Ивана Михайловича Белоруссова [10], где «преисполненный чувства искренней благодарности за добрую память» о нем, «как бывшем воспитаннике Тотемского духовного училища», он вносит «свою скромную лепту на сооружение иконы Спаса Нерукотворного...».

Второй находкой стала книга самого профессора «Личность Пушкина и взгляд его на поэта и поэзию» с дарственной надписью видному земскому деятелю в Тотьме Василию Попову [11]. Именно в момент этого важного для меня открытия, когда, бережно держа книгу в руках, я беседовала с директором Тотемского музейного объединения, в ее кабинете раздался звонок из Череповца от... родственницы Ивана Михайловича Белоруссова – Куликовой Ирины Алексеевны. Восстанавливая свою родословную, она обратилась за помощью в Тотемский краеведческий музей. Урожденная Нифонтова, она состояла в родстве с профессором по линии матери, Марии Михайловны, сестры Ивана Белоруссова. По тексту книги Шмелева, именно к ней он хотел вернуться «на родину, в Вологодскую губернию.... Там у меня сестра... коровка у нее была... молочка бы, кашки бы поел напоследок, с маслицем коровьим, творожку бы... в баньке бы попарился с березовым веничком...» [12]. В клировой ведомости Городищенской Богоявленской церкви Великоустюжского уезда за 1889 год есть

запись: «Мария Михайловна Нифонтова... имеет трех братьев: Владимира Михайловича Белоруссова, чиновника в отставке; Ивана Михайловича Белоруссова, состоящего директором Орловской гимназии; Никонора Михайловича Белоруссова, состоящего учителем гимназии в Туле.... Дети: Пантелеймон, Анна, Алексей, Александра, Петр, София» [13]. Алексей является дедом Куликовой Ирины Алексеевны. В другом документе отмечено, что Андрей Нифонтов, прадед Ирины Алексеевны, родом из Усть-сысольского уезда [14]. Перечисленные территории Тотемского, Великоустюжского уездов тесно связаны между собой не только древними дорогами, но и историей. Вот почему профессор и моряк, встретившись вдали от дома в Крыму, сразу признали друг в друге земляков.

На мой взгляд достоверность героя Ивана Шмелева, профессора Белоруссова не вызывает принципиальных сомнений – он Вологодский. Сегодня нужно заниматься лишь уточнением биографических данных жизни Ивана Михайловича и восстановлением, популяризацией его научного наследия, чтобы в библиотеках области находились все его труды.

Теперь к вопросу о революционных матросах из Усть-Сысольского уезда. Река Сухона для Русского государства являлась не только важным водным путем многие сотни лет, но и местом, где формировались поколения российских мореходов. Особую славу они приобрели в XVII – нач. XIX века. Их имена известны: Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов, Иван Кусков и др. Благодаря их навыкам, стараниям, мужеству были составлены карты Восточной Сибири, Аляски [15], а на Калифорнийском побережье появился в XIX веке форт Росс. Десятки, сотни торговых экспедиций отправляли тотемские и устюжские купцы далеко на Восток по холодным уральским и сибирским рекам. Моряков, промысловых людей воспитывали в своей среде. Поэтому навык к морскому делу пригодился не только в XIX, но и в начале XX века, когда Россия превратилась в мощную морскую державу. В Балтийский флот брали на военную службу из разных губерний, но исторический аспект, вероятно сыграл свою роль – навык к путешествиям, трудностям, дисциплине и слаженности в работе оставался в крови.

В Тотемском краеведческом музее хранят документы и о моряках начала XX века. Как типаж первых революционных матросов, героев «Солнца мертвых», они могли быть взяты Шмелевым за основу. Вот некоторые из них: Иванов Дмитрий Иванович – моряк Балтийского флота с 1912 года. В 1915 году принимал участие в восстании матросов корабля «Гангут». Участник гражданской войны. Ивин Дмитрий Федорович – морскую службу начал в 1904 году в Кронштадте. Был рулевым на линкоре «Цесаревич». Участник Северной экспедиции к берегам Чукотки (1913 год). Гребенщиков Василий Пименович. 9 лет служил на Балтийском флоте в качестве артиллерийского унтер-офицера на крейсере «Адмирал Макаров». За мужество и храбрость был награжден Георгиевским крестом.

Никулинский Максим Матвеевич. Уроженец Усть-Печенской волости. Служил на крейсере «Олег». Награжден Георгиевским крестом. И другие. Шмелев про таких пишет: «То были... другие большевики, первые... то были толпы российской крови..., дикой. Они пили, громили и убивали

Никулинский М.М. с товарищами

под бешеную руку..., но им могло вдруг открыться... через одно меткое слово, что-то такое, перед чем пустяками покажутся слова, лозунги и программы.... Были они свирепы..., но они не способны были душиТЬ по плану и равнодушно.... Для этого были нужны нервы и принципы «мастеров крови» – людей крови не вологодской» [16].

Вот так иногда, благодаря таланту писателя, меткому визуальному образу, созданному художником, изысканиям историка предстает перед нами видение прошлого.

Источники:

1. И. С. Шмелев "Солнце мертвых", изд. "Дарь", 2008 г., стр. 188.
2. Л. Н. Попова "Шмелев в Алуште", Алушта, 2007 г., стр. 50-61.
3. Там же, стр. 56.
4. Там же, стр. 51.
5. Там же, стр. 51, 60.
6. И. С. Шмелев "Солнце мертвых", стр. 189.
7. Вологодская энциклопедия, 2006 г. под ред. Г. В. Судакова.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Т. 2, стр. 755.
9. "Празднование семидесятилетия Тотемского духовного училища и история сего училища от открытия его в 1815 году до насоящего времени". Составлена смотрителем училища А. А. Соколовым. Вологда, 1890 г, стр. 63-64.
10. Там же, стр. 10-11.
11. И. С. Белоруссов "Личность Пушкина и взгляд его на поэта и поэзию", Воронеж, 1880 г.
12. И. С. Шмелев "Солнце мертвых", стр. 309.
13. Клировые ведомости Городищенской Богоявленской церкви Великоустюжского уезда за 1889 г., стр. 337.
14. "Яренско-устьсыольское духовное училище. (Несколько сведений относящихся к истории училища)". Составил В. Шляпин, Вологда, 1901 г.
15. В. П. Шильниковская "Великий Устюг", Москва, 1987 г., стр. 17-18.
16. И. С. Шмелев "Солнце мертвых", стр. 190.

Череповецкое «землячество» в Петербурге

С городом Череповцом в моей жизни связана цепочка событий, которая не перестает до сих пор удивлять меня. Недалеко от этого города в 1903 году родился мой отец, Кругликов Алексей Ефимович. В Череповце он учился в Реальном училище, а потом уехал в Петроград (Ленинград) работал и жил в нем до конца своей жизни. Отец рос в большой семье, и о многих его родственниках я не знала, и до сих пор ничего не знаю. Всем известные крупные политические и социальные события первой половины XX века разрушили многие семьи, особенно большие. Страх родителей за будущее детей приводил к тому, что они не давали им возможность хоть что-то узнать о своих предках. Так и в моей семье никогда не вспоминали о прошлом, за исключением обычных житейских дел.

Пока я была молода, у меня были свои проблемы, которые занимал все мои мысли. Тогда я не была любопытна даже в отношении имен людей, чьи фотографии были на страницах старого семейного альбома. Мои родители умерли довольно рано, и проблема воспитания маленького сына стала основной в моей жизни. Потом сын вырос, я вышла на пенсию. И я задумалась о прошлом, стала жалеть, что так мало знала о жизни родителей, а тем более бабушек и дедушек. Стала наверстывать упущенное. Недаром говорится: «Кто ищет, тот всегда найдет!». Мне очень помогли архивы, что-то я нашла и в своем собственном доме, хотя многое пропало бесследно.

Центром нашего разоренного «семейного гнезда» была сестра моего отца - Антонина Ефимовна, в замужестве Цветкова, которая жила в Череповце, там же до сих пор живут ее потомки. К тете Тане ездили многочисленные родственники из разных городов и часто присылали на память свои фотографии. Когда я тоже стала ездить в Череповец, то именно эти фотографии, заботливо собранные и сохраненные тетей Таней, очень помогли мне больше узнать о семье отца. Очень благодарна я и внуку тети Тани - Владимиру, который все сохранил и дал мне возможность увидеть этот большой семейный фотоархив.

Каждая поездка в Череповец становилась для меня открытием чего-то нового в истории моей семьи. В 2002 году город отмечал 225 лет со времени основания, и я побывала на празднике День города. А вернувшись в Петербург, стала рассказывать своим знакомым о поездке. Мой рассказ случайно услышал Н.В.Благово, директор музея гимназии Мая [1]. «А Петрашень из Череповца» - услышала я от него. Оказалось, что в этой известной в дореволюционном Петербурге гимназии учились многие члены семьи Петрашениной. А Георгий Иванович Петрашень - крупный математик и физик нашего времени еще был жив, хотя и в преклонном возрасте. Вскоре состоялась моя встреча с ним и его женой. Он мне рассказал, что жил в Череповце первые 10 лет своей жизни с 1914 по 1924 годы. Фотографий старого города у него, к сожалению, не оказалось, но постепенно я знакомилась с другими членами их семьи и очень многое узнала. В Череповце прошло детство всех детей Ивана Васильевича (отца Георгия Ивановича). А родители поддерживали дружеские отношения со взрослыми череповчанами и после переезда в Ленинград.

Семья Петрашениной переехав в Ленинград, поселилась на Набережной лейтенанта Шмидта в доме №23 в девятикомнатной квартире. После ремонта дома квартиры стали меньше, изменились их номера, но две квартиры в этом доме (№5 и №6) – трехкомнатные по-прежнему занимают потомки Петрашениной.

В квартире этажом выше жила семья Рязанцевых (Евлашовых), тоже бывших череповчан. Фамилия Евлашова встречалась в папиной записной книжке. И вот однажды, просматривая ее уже не в первый раз, я обратила внимание на адрес: Набережная лейтенанта Шмидта, дом 23, кв 10. Евлашова Нюра. Но в этом же доме живут и Петрашени! Звоню и узнаю, что действительно, до 1977 года (а мой отец умер в 1976) по этому адресу жила семья Нюры (Анны Дмитриевны) Евлашовой (по мужу Рязанцевой). Нюра (1905 года рождения) дружила в Череповце со старшими детьми Петрашени, и в 1928 году она приехала с семьей в Ленинград из Череповца. Поселились они у своих знакомых. Но почему мой отец был знаком с Евлашовыми? И тут начинается самое интересное: племянница Георгия Ивановича - Елена Матвеевна, узнав, что у меня фамилия Кругликова, сказала, что тетя ее подруги была замужем за мужчиной с такой фамилией. Я связалась с ее подругой и узнала, что ее тетя - Екатерина Дмитриевна Евлашова - была замужем за Степаном Ефимовичем Крутиковым, родным братом моего отца. А Нюра Евлашова была сестрой Екатерины. Мой отец до самой смерти поддерживал добрые отношения с семьей Евлашовых, в которой было четверо сестер. Их отец, Дмитрий Евлашов, имел маслобойный завод в Череповце (до революции), а мой дед, Ефим Степанович Крутиков имел кожевенный завод. Скорее всего, они были знакомы. В моем семейном альбоме сохранилась парная фотография: мой отец с женой дяди Степана. Теперь эта женщина перестала быть для меня безымянной - она Екатерина Евлашова (Кругликова). Так образовалась цепочка: Петрашени – Евлашова - Кругликова, все родом из Череповца.

Но в мое череповецкое «землячество» входит еще одна фамилия - Гальские. Череповецкие помещики в позапрошлом веке были одной из самых богатых и влиятельных семей уезда. Их усадебный дом сохранился до сих пор и его реставрация уже практически закончена (материал был написан в 2007 году - примечание публикатора). Он так и называется - усадебный дом Гальских «Горка». От Петрашени я узнала, что внучка последнего владельца усадьбы - Николай Львович Гальский живет в Петербурге и семья Петрашени с ней знакома. Еще до революции дочь Николая Львовича училась в одном классе с Георгием Ивановичем Петрашени, а их потомки дружат до сих пор. И хотя они родились в Ленинграде, но по прошествии стольких лет они хранят память не только о своих предках, но и о Череповце, родине своих бабушек, дедушек и их родителей. Из своего «землячества» я чаще всех езжу в Череповец и потом рассказываю всем своим знакомым череповецкие новости. С внучкой Гальского Татьяной Леопольдовной, мы обмениваемся новостями по поводу реставрации ее дедовской усадьбы «Горка».

Так поиск родственников в Череповце, желание узнать историю этого города, привел меня к знакомству со многими интересными людьми, имеющими череповецкие корни.

Публикация О.А.Владимировой

Примечания

1. Подробнее о гимназии К.И.Мая см.: Благово Н. В. Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. Часть I. Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856—1918. — СПб.: Наука, 2005. — 538 с. ISBN 5-02-025041-4; или в Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

И.В. Эпанаев,
педагог Муниципального образовательного учреждения
дополнительного образования детей «Центр детского творчества»,
редактор журнала «Северянин»,
член Вологодского союза писателей-краеведов.

От Союза друзей Слона до исторического журнала «Северянин»

Написание данного материала продиктовано неподдельным интересом к организации (многочисленной неформальной творческой) Союзу друзей Слона Джамбо.

Также в конце 2009 года состоятся два юбилея: 29 ноября 5-летие Череповецкой городской общественной организации «Череповецкое литературное объединение», а 9 декабря 15-летие Союза Слона. Каким образом они связаны между собой? Цель у организаций одна – объединить творческий людей Череповца. Но как?

Какой путь должен пройти творческий человек от одного к другому?

Ведь раньше самые задаваемые вопросы звучали примерно так: «Когда состоится очередной рок-фестиваль «Прыжок выше головы?» и «Выходит ли журнал «Нахалёнок?» и «Как собственно СОЮЗ ДРУЗЕЙ СЛОНА ДЖАМБО?», который и занимался этими основными проектами. Теперь вместо «Прыжка» проводятся городские фестивали поэзии «Я живу в Череповце» и «Поэтический марафон у Ледового дворца», где большинство участников – дети. Вместо «Нахалёнка» - исторический журнал «Северянин», «Молодёжная газета» и «Северная окраина». Вместо Союза Слона – городская общественная организация «Череповецкое литературное объединение». Вместо друзей, со всеми вытекающими, главным приоритетом стала семья, и здоровый образ жизни, занятие творчеством, превратилось в интересную творческую работа, а вместо атеизма – христианство.

Но люди вспоминают номера членства в Союзе Слона, которые им присваивались и то, как их в Союз принимали. Кстати, сказать, принимали всех, кто уважает Слона, как лучшего представителя фауны, и более того, а также любое творчество. Союз состоял и состоит из поэтов, музыкантов, художников, журналистов неформалов, панков, анархистов, пацифистов и др. (около 700 членов). Достаточно было расписаться в книге Слона (если у руководителя или членов президиума (принимающих в Союз) её нет, на любой бумаге). Подпись заверялась штампом неформальной организации в книге и на любой вещи вступающего в Союз (например, блокнот, были и те, кто в свой паспорт или что-то подобное соглашался поставить штамп), а так же на любую часть тела (помню, ставилась «печать» на язык вступающего). Принимались люди в других городах, вступили некоторые известные в Череповце и не только личности, в Союз было принято несколько котов и кошек. Организация самая свободная и многочисленная. Делать основной массе ничего не надо, никаких взносов собраний и т.д. Дата образования Союза Слона 9 декабря 1994 года, в день первого вечера ненормальной поэзии и музыки «Прыжок выше головы» (тогда он происходил в Центральной городской библиотеке, организовать его помогли Андрей Широглазов и Виктор Гагин). Далее уже, как самый массовый и длительный рок-фестиваль в училище искусств, ЧГУ, музее Верещагиных, в «Пирамиде» («Победе»), «Импульсе» (Мед.училище) и др. Всего было где-то прыжков, двадцать, на трех из них зрителей было более пятисот человек, рекорд для череповецких музыкантов. Многие команды, отдельные музыканты и поэты

дебютировали на данном мероприятии. На концертах выступали представители всех неформальных движений, общая цель объединение. На одном фестивале на сцену могли выйти реперы и скины. И все заканчивалось нормально, за редким исключением. Была одна идея объединить всех неформалов под эгидой Союза. Это не совсем удалось.

Итак, вот книги Слона (она находится при частной коллекции слонов, а их более трёхсот). Раньше была организована, так называемая штаб-квартира Союза, все стены которой были в несколько слоёв заклеены рисунками слонов и др. материалами. На самом видном месте висел портрет королевского слона «Аббул-Аббаса». Сейчас штаб закрылся, но заведена вторая книга Слона, уже для творческих детей и членов Лито, оформил её Виктор Смирнов (объединение «Основы журналистики» и PR). В обоих книгах и приложениях расписались более 1000 человек. Кстати, коллекция растёт, это новые подарки из разных городов, теперь, уже новых друзей и родственников, и слоны, которые покупаются дочери, в будущем и второй дочери. Четыре раза снимать слонов приезжало местное телевидение, коллекцию упоминали на НТВ. Это говорит о том, что Союз жив, но существует в другом виде и измерении. Ведь у каждого остался свой внутренний Слон. В данный момент в контакте существует виртуальных Союз Слона, с численность 160 человек, в него входит и мэр Череповца, или человек, за него себя выдающий. В конце 2008 начале 2009 года в Череповце прошёл третий творческий фестиваль «Я живу в Череповце», на который принимались рисунки слонов и декоративно-прикладное творчество. На конкурс поступило 657 работ от детей Череповца, большинство изделий высокого уровня. Работы опубликованы в сборнике «Череповец. Молодые авторы» 5, будут публиковаться и далее. До этого слоны выставлялись дважды (во время концерта в музее Верещагиных, и на выставке о животных в ЧГУ). Осенью этого года был проведён турнир по футболу среди ветераном череповецкого андеграунда в поддержку здорового образа жизни и к 15-летию Союза.

Итак, открываем книгу Слона. Запись в Союз велась, только начиная с 1999 года, спустя 5 лет от момента образования и потихоньку стала затихать к 2005 году. Да, кстати, организация образовалась в противовес правой творческой организации «Колоне фюнф» (известная своими музыкальными акциями с «Гражданской обороной» и выставками), аббревиатура специально была подогнана под СДСД – Союз друзей слона Друзей, как насмешка что – ли над фашиствующими. Если представители «Колонны фюнф» встретились на худграфе пед. института, то основатели Союза на филфаке. Один из лозунгов, который пришелся на 2000-е года: «Россия! Слон! Андеграунд!» Вновь вступившие в Союз, пишут о себе любую информацию, от просто имени до целого рассказа, рисуют слона. Состав президиума (самых активных) на пять, шесть, семь, девять и девять с половиной лет Союза. Приведу для примера состав первого и последнего президиума. Первый на 5-летие: Эвпатор Наев, Элефантов, Таренович, Пионер, Громозека, Железо, Веричева, Птаха, Кичкарев. И последний: Наев, Элефантов, Таренович, Кичкарев, Шестаков, Сердюков, Колбасин, Синявин, Широглазов (Павел), Щер, Кулевич, Дан, Кукуин, Беляев, Шульга, Играев, Окинин. Членам президиума и некоторым другим выдавались самопальные удостоверения. Организовывались филиалы Союза Слона в Вологде, Соколе, Москве, Петербурге, Урале. В большинстве случаев чисто формально и символически. Иногда, руководители филиалов вели несовместимую с принципами Союза деятельность, так, например, Владимир Чалиск (Вологодский филиал) принимал в Союз за членские взносы, затем их тратил, а организацию (около 50 человек распустил) и сам вышел из Союза. Существовали и фракции Союза Слона, например, фракция «Б», которая, несмотря на членство в данном

Союзе ошибочно, отдавала приоритет не слону, а киту. Имелись и следующие отделения: комитет по размножению опоссумов, клуб любителей вкусного томатного сока, союз умеренных анархистов «Мой кумир автобус № 9, элитарное общество «Наварила-напекла», а также «Союз борьбы с коварным дядей Петей» со своими манифестами. Это была просто игра. Но однажды утром радиостанция «Свобода» объявила на весь мир, что в городе Череповце Вологодской области создана детская фашистская организация по борьбе с президентом. Это произошло из-за смены одной буквы одного из манифестов, напечатанном в комсомольской газетке. Последнем мифическом союзе (которого, по сути, не было, был лишь манифест) говорилось и по радио «Эхо Москвы» и печаталось во многих столичных оппозиционных газетах и, конечно, местных изданиях. Был скандал, увольнение из школы комсомольца Дениса Смирнова. Об этом все СМИ писали и говорили, в нашу защиту. Не было ни организации, ни борьбы, ни слова о президенте в манифесте. Понятно, что подобные организации вызывали вопросы и непонимание некоторых представителей.

По мере развития появляются новые печатные издания и выходы в Интернет. До сих пор в литературном журнале «Северная окраина» выходит рубрика «Хобот» со стихотворными публикациями детей из «Школы поэзии». Учащиеся печатаются и побеждают на конкурсах (более 1000 публикаций в 20 изданиях города, области и России и 150 дипломов разных степеней городских и областных, российских литературных конкурсов). Приглашаем к сотрудничеству.

Что касается журнала «Северянин», то издание не выходило уже два года, после трех изданных номеров по техническим и другим причинам. Но после защиты проекта в Агентстве городского развития и Центре занятости населения снова стали выходить сборники «библиотечка журнала «Северянин» (первый выпуск был: Л. Любомирская, П. Федотов «Дворянские гнезда. Неизвестные архивы»). Вышел сборник М.А. Проворовой «Эпизоды жизни», а 13 ноября в филармонии была презентована книга к юбилею Леонида Беляева «Мне везет на хороших людей». Готовится к выходу сборник Е.В. Шалашова в серии «библиотечка журнала «Северянин». Выйдет и сам журнал в виде сдвоенного номера 4-5, тем более, что в издании будут напечатаны известные историки: О.Г. Павлова, Б.В. Челноков. В редколлегии издания Л.Н. Вересов, Е.В. Шалашов и одаренные молодые череповецкие журналисты.

Полина Антонина,
ученица 9 класса
Муниципального образовательного учреждения
дополнительного образования детей
«Центр детского творчества»

Журнал «Северянин»

23 сентября 2007 года исполнилось 70 лет Вологодской области, и неспроста большинство людей сейчас читают исторические книги и журналы. И череповецкий журнал «Северная окраина» решил не отставать. Так появилось приложение – исторический журнал под названием «Северянин».

В нем можно найти много интересного. Из рубрики «Слово редактора» мы узнаем мнение И.В. Эпанаева о работе, продвижении, удачах и невзгодах журнала. А в рубрике «Вести» узнаём о новостях из истории и культуры города. Затем рубрики «Шаги истории», «История и историки» о нашем Череповце. В рубриках «Историческая проза»: воспоминания Проворовой М.А. и уникальный материал П.Федотова, впервые опубликованный, об истории деревни Кошта; исторический материал Е.В. Шалашова о провинциальной музее. Рубрика «История череповецкого андеграунда» и многое другое. Вообще, журнал можно читать до дыр.

Смирнова Дарья,
ученица 8 класса
Муниципального образовательного учреждения
дополнительного образования детей
«Центр детского творчества».

Журнал «Северянин»

Журнал «Северянин» в основном содержит исторические факты. Описываются события, которые происходили давно и не очень, имели большое значение, и наоборот, были мимолетными и быстро забылись, но в то же время содержали большой и важный опыт. Историю полезно знать любому человеку. Но не все люди склонны листать энциклопедии и просматривать другие источники информации, чтобы найти что-либо о прошлом. Не каждый вообще интересуется историей, в то время как её необходимо знать, хотя бы о своём городе. Иметь представление о прошлом своей малой родины – долг каждого из нас. Между тем, в суетливой повседневной жизни гораздо проще взять журнал и прочитать уже готовые, обработанные для лучшего понимания факты из истории, чем специально сидеть в библиотеке, время на которую не хватает. Яркие запоминающиеся статьи, биографии людей – вот что привлекает внимание читателей. Такой журнал необходим, так как он приобщает каждого к познанию истории. Его текст интересен и понятен. Журнал «Северянин» нужен читателям, для того, чтобы каждый мог узнать о том, каким был его край.

Содержание

Литературное наследие античного интеллектуала в России. К 100-летию издания сочинений Лукиана в переводе Н.Д. Чечулина Д.Е. Фирсов	3
«Я помню Череповец с детства» Или: Путь в Мекку оперного искусства Э.П. Риммер	7
Знаток родного края (Михаил Кондратьевич Герасимов) Н.П. Тихомирова	14
Жизнь в предчувствии войны... (памяти моего деда Г.И. Васильева (1906-1940) и всех воинов, погибших в Советско-финскую войну 1939-40 гг.) О.А. Владимирова	18
О некоторых специфических чертах культурной жизни Череповца (II половины 1950 – середина 1980-х годов) Р.С. Колокольчикова	25
О первой (Череповецкой) постановке повести-сказки В.М.Шукшина «До третьих петухов»: к 80-летию со дня рождения выдающегося русского писателя, актера и режиссера А.Е. Новиков	30
Еврейская религиозная община в Череповце 1920-х годов Е.В. Шалашов	37
Крестьянские кустарные промыслы Череповецкого уезда в начале XX века С.Ю. Холенкова	40
Павел Гордеевич Вересов – поэт и учитель из Белозерья (Забывтое литературное имя) Л.Н. Вересов	50
Растет, мужает город на Шексне... Б.В.Челноков	68
Прототипы героев эпопеи Ивана Шмелева "Солнце мертвых" на вологодской земле. Образный видеоряд произведения, созданный художником Валерием Карпущенко Т.В. Сизоненко	72
Череповецкое «землячество» в Петербурге Т.А. Кругликова (Публикация О.А.Владимировой)	78
От Союза друзей Слона до исторического журнала «Северянин» И.В. Эпанаев	80
Журнал «Северянин» Полина Антонина, Смирнова Дарья	83

Ноябрь, 2010
Верстка, макет, компьютерное оформление Кузнецова Л.И.
Ответственный за выпуск Серманова Н.Ю.